8р
5-649
749449

РОДИТЕЛИ
И
ДЕТИ

586

ФОНД

Д02/II 87-8 12
28.08.40 г/б
4.06.40 г/б
16

149449

~~60403~~

MAR. 1936 L

РОДИТЕЛИ и ДѢТИ

ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Составилъ П. Бирюковъ.

ИЗДАНІЕ „ПОСРЕДНИКА“
LXIX
ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ

Москва. — Типографія Высочайше утв. Товарищества И. Д. Сытина. — *1898 г.*

10
3
83

РОДИТЕЛИ и ДѢТИ

ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Составилъ **П. Бирюковъ.**

СЪ КНИГАМИ
ПРОСЯТЪ ОБРАЩАТЬСЯ
БЕРЕЖНО.

Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.
МОСКВА.— 1898.

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
СВЕРДЛОВСК

8 р
Б 649

1.3.[Толстой Л.Н.]-4
Пере

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ, 11 ноября 1897 г

749449

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского
Государственного
г. Свердловск

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Настоящія статьи печатались раньше въ педагогическомъ журналѣ: «На помощь матерямъ», издаваемомъ редакціей дѣтскаго журнала «Игрушечка» (С.-ПБ., Гончарная, 10), и теперь печатаются отдѣльнымъ изданіемъ лишь съ очень небольшими измѣненіями и дополненіями. Я очень благодаренъ редакціи «Игрушечки» за ея содѣйствіе къ выходу въ свѣтъ этихъ статей. Занимая въ нихъ скромное мѣсто собирателя, я радуюсь тому, что мысли, собранныя мною, сдѣлаются доступными многимъ.

П. Бирюковъ.

Баускъ, Курляндской губерніи.
12 іюня 1897 года.

Родители и дѣти въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого.

I.

Цѣль этихъ статей не въ томъ, чтобы дать полную характеристику типовъ родителей и дѣтей, встрѣчающихся въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого, а лишь въ томъ, чтобы уловить то отношеніе между родителями и дѣтьми, которое выражаетъ идеи Л. Н. о воспитаніи какъ съ отрицательной, такъ и съ положительной его стороны.

По всему многотомному собранію сочиненій Л. Н. Толстого разбросаны различныя мысли о воспитаніи, художественныя картины изъ жизни дѣтей и родителей и ихъ взаимныхъ отношеній. Четвертый томъ этого собранія спеціально посвященъ вопросамъ педагогическимъ и составляетъ результатъ многолѣтней, страстной дѣятельности нашего писателя по народному образованію. Этотъ томъ представляетъ неистощимый запасъ глубокихъ мыслей, смѣлыхъ гипотезъ и остроумныхъ практическихъ примѣровъ для всѣхъ, готовящихся или уже занимающихся народнымъ учительствомъ.

Впрочемъ, содержаніе настоящихъ статей значительно у́же; я не буду касаться народно-школьнаго

образованія, я буду говорить преимущественно о воспитаніи и образованіи домашнемъ, семейномъ.

Во взглядахъ Л. Н. Толстого читательницы встрѣтятъ много такого, что на первый взглядъ покажется имъ парадоксами. Но да не смущаются ихъ сердца. Главное достоинство этихъ, кажущихся на первый взглядъ парадоксальными, мыслей въ томъ, что онѣ заставляютъ человѣка снова переработать въ своемъ сознаніи такъ или иначе пріобрѣтенныя понятія; а этимъ только путемъ и можно составить себѣ прочное убѣжденіе.

Л. Н. Толстой, сознавая важность правильнаго отношенія родителей къ дѣтямъ и, какъ бы желая привлечь на него вниманіе читателя, нерѣдко въ своихъ произведеніяхъ рисуетъ мрачными красками эти отношенія.

Такъ, въ «Аннѣ Карениной», Долли высказываетъ слѣдующія безотрадныя мысли:

«Хорошо, я занимаюсь Гришей теперь, — думаетъ она, — но вѣдь это только оттого, что сама я теперь свободна, не рожаю. На Стиву, разумѣется, нечего разсчитывать. И я съ помощью добрыхъ людей выведу ихъ; но если опять роды...» И ей пришла мысль о томъ, какъ несправедливо, что проклятіе наложено на женщину, чтобы въ мукахъ родить чада. «Родить ничего, но носить—вотъ что мучительно»,—подумала она, представивъ себѣ свою послѣднюю беременность и смерть этого послѣдняго ребенка. И ей вспомнился разговоръ съ молодайкой на постояломъ дворѣ. На вопросъ, есть ли у нея дѣти, красивая молодайка весело отвѣчала:

— Была одна дѣвочка, да развязалъ Богъ, — постомъ похоронила.

— Что же, тебѣ очень жалко ее? — спросила Дарья Александровна.

— Чего жалѣть? У старика внуковъ и такъ много. Только забота. Ни тебѣ работать, ни что. Только связа одна.

Отвѣтъ этотъ показался Дарьѣ Александровнѣ отвратителенъ, несмотря на добродушную миловидность молодайки; но теперь она невольно вспомнила эти слова. Въ этихъ циническихъ словахъ была и доля правды.

«Да и вообще», думала Дарья Александровна, оглянувшись на всю свою жизнь за эти пятнадцать лѣтъ замужества, «беременность, тошнота, тупость ума, равнодушіе ко всему, и главное — безобразіе. Роды, страданія, безобразныя страданія, эта послѣдняя минута... потомъ кормленіе, эти безсонныя ночи, эти боли страшныя...»

Дарья Александровна вздрогнула отъ одного воспоминанія о боли треснувшихъ сосковъ, которую она испытывала почти съ каждымъ ребенкомъ. «Потомъ болѣзни дѣтей, этотъ страхъ вѣчный; потомъ воспитаніе, гадкія наклонности, ученье, латынь, — все это такъ непонятно и трудно. И сверхъ всего — смерть этихъ же дѣтей». И опять въ воображеніи ея возникло, вѣчно гнетущее ея материнское сердце, жестокое воспоминаніе смерти послѣдняго грудного мальчика, умершаго круппомъ, его похороны, всеобщее равнодушіе предъ этимъ маленькимъ розовымъ гробикомъ, и своя, разрывающая сердце, одинокая боль предъ блѣднымъ лобикомъ съ вьющимися височками, предъ раскрытымъ и удивленнымъ ротикомъ, виднѣв-

шимся изъ гроба въ ту минуту, какъ его закрывали розовою крышечкой съ галуннымъ крестомъ.

«И все это зачѣмъ? Что же будетъ изъ всего этого? То, что я, не имѣя ни минуты покоя, то беременная, то кормящая, вѣчно сердитая, ворчливая, сама измученная и другихъ мучащая, противная мужу, проживу свою жизнь, и вырастутъ несчастныя, дурно воспитанныя и нищія дѣти. Въ самомъ лучшемъ случаѣ они не будутъ только негодяи. Вотъ все, что я могу желать. Изъ-за всего этого сколько мученій, трудовъ... Загублена вся жизнь!» Ей опять вспомнилось то, что сказала молодайка, и опять ей гадко было вспомнить про это, но она не могла не согласиться, что въ этихъ словахъ была и доля грубой правды» [1]).

Еще болѣе рѣзко говоритъ объ этомъ же предметѣ, но съ инымъ оттѣнкомъ, герой Крейцеровой сонаты, Позднышевъ.

«Какое страшное лганье идетъ про дѣтей. Дѣти— благословеніе Божіе, дѣти — радость. Вѣдь это все ложь. Все это было когда-то, но теперь ничего подобнаго нѣтъ. Дѣти — мученье и больше ничего.

...Присутствіе дѣтей не только не улучшало нашей жизни, но отравляло ее. Кромѣ того, дѣти — это былъ для насъ новый поводъ къ раздору. Съ тѣхъ поръ, какъ были дѣти, и чѣмъ больше они росли, тѣмъ чаще именно сами дѣти были и средствомъ и предметомъ раздора. Не только предметомъ раздора, но дѣти были орудіемъ борьбы, — мы (съ женой) какъ будто дрались другъ съ другомъ дѣтьми» [2]).

Гдѣ же причины этихъ грустныхъ явленій? Толстой часто задумывался надъ этимъ и вотъ что говоритъ

[1]) Т. XI, Анна Каренина, стр. 87. [2]) Т. XIII, Крейц. сон., стр. 313.

онъ объ этомъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній, пытаясь разрѣшить эту задачу:

«Несомнѣнное условіе счастья есть семья. И опять, чѣмъ дальше ушли люди въ мірскомъ успѣхѣ, тѣмъ меньше имъ доступно это счастье. Большинство - прелюбодѣи и сознательно отказываются отъ радостей семьи, подчиняясь только ея неудобствамъ. Если же у нихъ есть дѣти,— они лишены радости общенія съ ними. Они по своимъ законамъ должны отдавать ихъ чужимъ, сначала иностранцамъ, а потомъ воспитателямъ, такъ что отъ семьи имѣютъ только горе — дѣтей, которыя смолоду становятся такъ же несчастны, какъ родители... Очень удивительно то оправданіе такой жизни, которое часто слышишь отъ родителей: «Мнѣ ничего не нужно, говоритъ родитель мнѣ жизнь эта тяжела, но любя дѣтей, я дѣлаю это для нихъ», т. е. я несомнѣнно, опытомъ знаю, что наша жизнь несчастлива и потому... я воспитываю дѣтей такъ, чтобы они были такъ же несчастны, какъ и я. И для этого я, по своей любви къ нимъ, привожу ихъ въ городъ, полный физическихъ и нравственныхъ заразъ, отдаю ихъ въ руки чужихъ людей, имѣющихъ въ воспитаніи одну корыстную цѣль, и физически, и нравственно, и умственно старательно порчу своихъ дѣтей. И это-то разсужденіе должно служить оправданіемъ неразумной жизни самихъ родителей» [1]).

Болѣе опредѣленно онъ говоритъ объ этомъ же въ послѣсловіи къ Крейцеровой сонатѣ...

...«Въ нашемъ обществѣ, въ которомъ дѣти представляются или помѣхою для наслажденія, или несчастною случайностью, или своего рода наслаждені-

[1]) Полн. собр. соч., т. XII ст. «Въ чемъ счастье?», стр. 382.

емъ, когда ихъ рождается впередъ опредѣленное количество, эти дѣти воспитываются не въ виду тѣхъ задачъ человѣческой жизни, которыя предстоятъ имъ, какъ разумнымъ и любящимъ существамъ, а только въ виду тѣхъ удовольствій, которыя они могутъ доставить родителямъ. И вслѣдствіе этого дѣти людей воспитываются, какъ дѣти животныхъ, такъ что главная забота родителей состоитъ не въ томъ, чтобы приготовить ихъ къ достойной человѣка дѣятельности, а въ томъ, чтобы какъ можно лучше напитать ихъ, увеличить ихъ ростъ, сдѣлать ихъ чистыми, бѣлыми, сытыми, красивыми.

И я полагаю, что это нехорошо. Выводъ же, который можно сдѣлать изъ этого, тотъ, что надо перестать воспитывать дѣтей людей, какъ дѣтей животныхъ, а для воспитанія людскихъ дѣтей поставить себѣ другія цѣли, кромѣ красиваго, выхоленнаго тѣла» [1]).

Въ одномъ изъ ненапечатанныхъ писемъ Толстой высказывается еще опредѣленнѣе:

«Бракъ, настоящій бракъ, проявляющійся въ рожденіи дѣтей, есть въ своемъ истинномъ значеніи только посредственное служеніе Богу, служеніе Богу черезъ дѣтей. Отъ того-то бракъ, супружеская любовь, всегда испытывается нами какъ нѣкоторое облегченіе, успокоеніе. Это есть моментъ передачи своего дѣла другому. Если я, молъ, не сдѣлалъ того, что могъ и долженъ былъ сдѣлать, такъ вотъ на мою смѣну— мои дѣти, они будутъ дѣлать. Но въ томъ-то и дѣло, чтобы они дѣлали, чтобы ихъ воспитать такъ, чтобы они были не помѣхой дѣла Божія, а работниками его; чтобы если я не могъ или не могла служить тому

[1]) Т. X «Послѣсловіе», стр. 372.

идеалу, который стоялъ передо мной, то сдѣлать все возможное для того, чтобы дѣти служили ему. И это даетъ цѣлую программу и весь характеръ воспитанія, даетъ воспитанію религіозный смыслъ» [1]).

Чтобы внести въ воспитаніе этотъ «религіозный смыслъ», родители должны хорошо понять свои обязанности къ дѣтямъ. Затрогивая въ одномъ изъ своихъ произведеній этотъ вопросъ, Л. Н. Толстой обращается такъ къ женщинамъ образованнаго круга:

«Жены, матери богатыхъ классовъ, спасеніе людей нашего міра отъ тѣхъ золъ, которыми онъ страдаетъ, въ вашихъ рукахъ!» [2])

«Вы знаете счастье любви къ мужу — счастье не кончающееся, не обрывающееся, какъ всѣ другія, а составляющее начало новаго счастья, — любви къ ребенку. Вы однѣ, когда вы просты и покорны волѣ Бога, знаете не тотъ шуточный парадный трудъ, который мужчины вашего круга называютъ трудомъ, а знаете тотъ истинный, Богомъ положенный людямъ трудъ, и знаете истинныя награды за него; блаженство то, которое Онъ даетъ» [3]).

«И когда вы дѣлаете все это, никѣмъ не одобряемыя, никому невидимыя, ни отъ кого не ожидающія за это похвалы или награды, когда вы дѣлаете это не какъ подвигъ, а какъ работникъ евангельской притчи, пришедшій съ поля, считая, что вы сдѣлали только то, что должно, тогда вы знаете, что фальшивый парадный трудъ—для славы людской и что настоящій — исполненіе воли Бога, которой указанія вы чувствуете въ своемъ сердцѣ» [4]).

---

1) Изъ частнаго письма. 2) Т. XII, стр. 366. 3) Т. XII, стр. 366. 4) Т. XII, стр. 367.

«Если вы такія, вы не свалите съ себя заботы кормленія и ухаживанья на чужую мать, какъ не дастъ работникъ другому человѣку кончать его начатую и почти конченную работу, потому что въ этой работѣ вы кладете свою жизнь, и потому тѣмъ полнѣе и счастливѣе ваша жизнь, чѣмъ больше этой работы. А когда вы такая, и такія еще есть, къ счастью людей, — то тотъ же законъ исполненія воли Бога, которымъ вы руководитесь въ своей жизни, вы приложите и къ жизни вашего мужа и вашихъ дѣтей и близкихъ вамъ. Если вы такая и знаете по себѣ, что только самоотверженный, невидимый, безнаградный трудъ съ опасностью жизни и до послѣднихъ предѣловъ напряженія для жизни другихъ есть то призваніе человѣка, которое дастъ ему удовлетвореніе, то эти же требованія вы будете заявлять и къ другимъ, къ этому же труду поощрять мужа, по этому труду мѣрить и оцѣнивать достоинство людей и къ этому же труду будете готовить своихъ дѣтей» [1]).

«Такая мать сама родитъ, сама выкормитъ, сама будетъ прежде всего другого кормить и готовить пищу дѣтей, и шить, и мыть, и учить своихъ дѣтей, и спать, и говорить съ ними, потому что въ этомъ она полагаетъ свое дѣло жизни. Только такая мать не будетъ искать для своихъ дѣтей внѣшнихъ обезпеченій въ деньгахъ своего мужа, въ дипломахъ дѣтей, а будетъ воспитывать въ нихъ ту самую способность самоотверженнаго исполненія воли Божіей, которую она въ себѣ знаетъ, способность несенія труда съ тратою и опасностью жизни, потому что знаетъ, что въ этомъ одномъ обезпеченіе и благо жизни» [2]).

[1]) Т. XII, стр. 36. [2]) Т. XII, стр. 370.

Такое опредѣленное указаніе на обязанности женщины-матери и неупоминаніе о такъ называемыхъ общественныхъ, правовыхъ и другихъ культурныхъ обязанностяхъ женщины естественно вызвало возраженія нѣкоторыхъ публицистовъ, которые сочли долгомъ вступиться за такъ называемыя высшія права женщины. На эти возраженія Левъ Николаевичъ отвѣчалъ открытымъ письмомъ въ журналѣ «Русское Богатство». Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ такъ:

«Призваніе всякаго человѣка, и мужчины и женщины, въ томъ, чтобы служить людямъ. Съ этимъ общимъ положеніемъ, я думаю, согласны всѣ не безнравственные люди. Разница между мужчинами и женщинами въ исполненіи этого назначенія только въ средствахъ, которыми они его достигаютъ, т. е. чѣмъ они служатъ людямъ.

Мужчина призванъ служить людямъ черезъ многообразныя работы, и онъ любитъ эти работы, пока ихъ дѣлаетъ. Женщина призвана служить людямъ черезъ своихъ дѣтей, и она не можетъ не любить этихъ своихъ дѣтей, пока она ихъ дѣлаетъ до 3-хъ, 7-ми, 10 лѣтъ.

По общему призванію служить Богу и людямъ, мужчина и женщина совершенно равны, несмотря на различіе въ формѣ этого служенія. Равенство въ томъ, что одно служеніе столь же важно, какъ и другое, что одно не мыслимо безъ другого, что одно обусловливаетъ другое, и что для дѣйствительнаго служенія, какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ, одинаково необходимо знаніе истины, безъ котораго дѣятельность, какъ мужчины, такъ и женщины, становится не полезной, но вредной для человѣчества.

Мужчина призванъ исполнять свой многообразный трудъ, но трудъ его тогда только полезенъ и его работы, и физическая, и умственная, и общественная, тогда только плодотворны, когда онѣ совершаются во имя истины и блага другихъ людей. Какъ бы усердно ни занимался мужчина увеличеніемъ своихъ удовольствій, праздным умствованіемъ и общественной дѣятельностью для своей пользы, трудъ его не будетъ плодотворенъ. Онъ будетъ плодотворенъ только тогда, когда будетъ направленъ къ тому, чтобы уменьшить страданія людей отъ нужды, отъ невѣжества и отъ ложнаго общественнаго устройства.

То же и съ призваніемъ женщины: ея рожаніе, кормленіе, возращеніе дѣтей будетъ полезно человѣчеству только тогда, когда она будетъ выращивать не просто дѣтей для своей радости, а будущихъ слугъ человѣчества, когда воспитаніе этихъ дѣтей будетъ совершаться во имя истины и для блага людей, т. е. она будетъ воспитывать дѣтей такъ, чтобы они были наилучшими людьми и работниками для другихъ людей» [1]).

Вотъ какое высокое значеніе придаетъ Левъ Николаевичъ женщинѣ-матери.

Въ одномъ изъ ненапечатанныхъ писемъ Левъ Николаевичъ говоритъ:

«Есть во всѣхъ насъ какая-то странная черта въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми и обратно. Есть большая любовь и нѣтъ достаточнаго вниманія къ ихъ жизни. Далеко-далеко нѣтъ такого серьезнаго вникновенія въ жизнь отца, дочери, какое есть

---

[1]) Т. XIII, письмо о женщинахъ.

къ самому чуждому человѣку, и я борюсь для себя съ этимъ заблужденіемъ, которое встрѣчаю вездѣ».

А, между тѣмъ, важность этого отношенія родителей къ дѣтямъ давно признана всѣми. Хорошей иллюстраціей такого легкомысленнаго отношенія родителей къ своимъ обязанностямъ служитъ разговоръ священника съ Левинымъ на исповѣди передъ его женитьбой; приводимъ его цѣликомъ:

«Вы собираетесь вступить въ бракъ, и Богъ, можетъ-быть, наградитъ васъ потомствомъ. Не такъ ли? Что же, какое воспитаніе можете дать вы вашимъ малюткамъ, если не побѣдите въ себѣ искушеніе дьявола, влекущаго васъ къ невѣрію? — сказалъ онъ съ кроткою укоризной. — Если вы любите свое чадо, то вы, какъ добрый отецъ, не одного богатства, роскоши, почести будете желать своему дѣтищу, вы будете желать его спасенія, его духовнаго просвѣщенія свѣтомъ истины. Не такъ ли? Что же вы отвѣтите ему, когда невинный малютка спроситъ у васъ: «Папаша, кто сотворилъ все, что прельщаетъ меня въ этомъ мірѣ, — землю, воды, солнце, цвѣты, травы?» Неужели вы скажете ему: «я не знаю?» Вы не можете не знать, когда Господь Богъ по великой милости Своей открылъ вамъ это. Или дитя ваше спроситъ васъ: «Что ждетъ меня въ загробной жизни?» Что вы скажете ему, когда вы ничего не знаете? Какъ же будете отвѣчать ему? Предоставите его прелести міра и дьявола? Это не хорошо! — сказалъ онъ и остановился, склонивъ голову на бокъ и глядя на Левина добрыми, кроткими глазами» [1]).

Далѣе Левъ Николаевичъ говоритъ про Левина,

[1]) Томъ X, стр. 314.

Му
тру
раб
тог
во
усе
уд
ной
бу
тог
ши
отт
Т
кор
чес
прс
лов
вер
она
наи
дей
В
лае
В
кол
«
отн
Ест
къ
наг
——
1)

что: «у него осталось неясное воспоминаніе о томъ, что то, что говорилъ этотъ добрый и милый старичокъ, было совсѣмъ не такъ глупо, какъ ему показалось сначала, и что тутъ что-то есть такое, что нужно уяснить» [1]).

Правда, въ этихъ немудрыхъ словахъ стараго священника сказано очень многое, надъ чѣмъ надо подумать родителямъ или тѣмъ, кто собирается ими быть. Что они отвѣтятъ дѣтямъ на вопросы, безъ разрѣшенія которыхъ нельзя продолжать сознательной жизни, и которые являются сами собой, вырастаютъ и расцвѣтаютъ какъ весеннія почки, неизбѣжно сопровождающія весну человѣческой жизни? А безъ рѣшенія этихъ вопросовъ какое можетъ быть воспитаніе. Намеки на такое, болѣе правильное отношеніе родителей къ дѣтямъ мы замѣчаемъ у Льва Николаевича въ концѣ «Войны и мира» при описаніи жизни двухъ семей: Пьера Безухова и Николая Ростова.

Первая семья представляетъ идеальное сочетаніе духовно-развитаго и уравновѣшеннаго и духовно-живущаго мужа и физически развитой и преданной мужу жены-матери: Наташа какъ бы отражаетъ въ себѣ и облекаетъ плотью всѣ лучшія стремленія Пьера и переноситъ на дѣтей и на всю семью со свойственнымъ ей искусствомъ вліяніе взглядовъ отца, ничего никогда не требующаго отъ нея, насильно не навязывающаго и вмѣстѣ съ тѣмъ знающаго, что слово, мысль, серьезно и искренно выраженная имъ, не пропадетъ даромъ, а, очищенная и претворенная материнскою любовью, перейдетъ въ жизнь.

«Такъ, въ тяжелое время, навсегда памятное Пьеру,

1) Томъ X, стр. 315.

послѣ родовъ перваго слабаго ребенка, когда имъ пришлось перемѣнить трехъ кормилицъ и Наташа заболѣла отъ отчаянія, Пьеръ однажды сообщилъ ей мысли Руссо, съ которыми онъ былъ совершенно согласенъ, о неестественности и вредѣ кормилицъ. Со слѣдующимъ ребенкомъ, несмотря на противодѣйствіе ея матери, докторовъ и самого мужа, возставшихъ противъ ея кормленія, какъ противъ вещи, тогда неслыханной и вредной, она настояла на своемъ, и съ тѣхъ поръ всѣхъ дѣтей кормила сама.

Весьма часто, въ минуты раздраженія, случалось, что мужъ съ женой спорили, но долго потомъ послѣ спора Пьеръ, къ радости и удивленію своему, находилъ, не только въ словахъ, но и въ дѣйствіяхъ жены, свою ту самую мысль, противъ которой она спорила. И не только онъ находилъ ту же мысль, но онъ находилъ ее очищенною отъ всего того, что было лишняго, вызваннаго увлеченіемъ и споромъ, въ выраженіи мысли Пьера» [1]).

Другое благопріятное сочетаніе родителей представляетъ семья Николая Ростова. Здѣсь преобладающія духовныя качества жены-матери уравновѣшиваютъ недостатки практичнаго, любящаго мужа-отца. И въ результатѣ является та семейная гармонія, которая благотворно дѣйствуетъ на развитіе дѣтей, привыкающихъ сознавать силу духовнаго вліянія надъ собой родителей, находящихся въ единеніи и любви.

Николай застаетъ графиню Марью за писаніемъ дневника; онъ сначала добродушно-иронически относится къ этому, но вотъ онъ «взглянулъ въ лучистые глаза, смотрѣвшіе на него, и продолжалъ перелистывать и

[1]) Томъ VIII, стр. 378.

читать. Въ дневникѣ записывалось все то изъ дѣтской жизни, что для матери казалось замѣчательнымъ, выражая характеръ дѣтей или наводя на общія мысли о пріемахъ воспитанія. Это были большей частью самыя ничтожныя мелочи; но онѣ не казались таковыми ни матери ни отцу, когда онъ теперь въ первый разъ читалъ этотъ дѣтскій дневникъ» [1]).

«Можетъ-быть, это не нужно было дѣлать такъ педантически, можетъ-быть, и вовсе не нужно, думалъ Николай; но это неустанное вѣчное, душевное напряженіе, имѣющее цѣлью только нравственное добро дѣтей, восхищало его. Ежели бы Николай могъ сознавать свое чувство, то онъ нашелъ бы, что главное основаніе его твердой, нѣжной и гордой любви къ женѣ имѣло основаніемъ всегда это чувство удивленія передъ ея душевностью, передъ тѣмъ, почти недоступнымъ Николаю возвышеннымъ нравственнымъ міромъ, въ которомъ всегда жила его жена».

Но лучше всего значеніе нравственнаго состоянія родителей и ихъ обязанностей передъ дѣтьми выражается въ одномъ изъ недавнихъ писемъ Льва Николаевича.

«Воспитаніе есть воздѣйствіе на сердце тѣхъ, кого мы воспитываемъ. Воздѣйствовать же на сердце можно только гипнотизаціей (которой такъ подлежатъ дѣти), гипнотизаціей, заразительностью примѣра. Ребенокъ увидитъ, что я раздражаюсь и оскорбляю людей, что я заставляю дѣлать другихъ то, что самъ могу сдѣлать, что я потворствую своей жадности, что я избѣгаю труда для другихъ и ищу только удовольствія, что я горжусь и тщеславлюсь своимъ положе-

1) Томъ VIII, стр. 402.

ніемъ, говорю про другихъ злое, говорю за глаза не то, что говорю въ глаза, притворяюсь, что вѣрю тому, во что не вѣрю, и тысячи и тысячи такихъ поступковъ или поступковъ обратныхъ — кротости, смиренія, трудолюбія, самопожертвованія, воздержанія, правдивости, и заражается тѣми или другими во сто разъ сильнѣе, чѣмъ самыми краснорѣчивыми и разумными поученіями. И потому все или 0,999... воспитанія сводится къ примѣру, къ исправленію и совершенствованію своей жизни. Такъ что то, съ чего вы начали внутри себя, когда были на курсахъ и мечтали объ идеалѣ, т. е. о добрѣ, достиженіе котораго, несомнѣнно, только въ себѣ, къ тому самому вы приведены теперь, при воспитаніи дѣтей извнѣ. То, чего вы хотѣли для себя, еще хорошенько не зная зачѣмъ, то теперь вамъ уже необходимо нужно для того, чтобы не развратить дѣтей. Отъ воспитанія обыкновенно требуютъ и слишкомъ много и слишкомъ мало. Требовать того, чтобы воспитываемые выучились тому-то и тому-то, образовались (какъ мы разумѣемъ образованіе). это невозможно, также невозможно и то, чтобы они сдѣлались нравственными, какъ мы разумѣемъ это слово. Но совершенно возможно то, чтобы не быть самому участникомъ въ развращеніи дѣтей (и въ этомъ не можетъ помѣшать ни женѣ мужъ ни мужу жена), а всей своей жизнью по мѣрѣ силъ своихъ воздѣйствовать на нихъ, заражая ихъ примѣромъ добра. Вы пишете, что съ философской точки зрѣнія легко, а на практикѣ трудно. Я думаю, что со всякой точки не только трудно, но невозможно воспитать хорошо дѣтей, если самъ дуренъ. И что воспитаніе дѣтей есть только самосовер-

шенствованіе, которому ничто не помогаетъ столько, какъ дѣти. Какъ смѣшны требованія людей курящихъ, пьющихъ, объѣдающихся, не работающихъ и превращающихъ ночь въ день, о томъ, чтобы докторъ сдѣлалъ ихъ здоровыми, несмотря на ихъ нездоровый образъ жизни, такъ же смѣшны требованія людей научить ихъ, какъ, продолжая вести жизнь не нравственную, можно бы было дать нравственное воспитаніе дѣтямъ. Все воспитаніе состоитъ въ большемъ и большемъ сознаніи своихъ ошибокъ и исправленіи себя отъ нихъ. А это можетъ дѣлать всякій и во всѣхъ возможныхъ условіяхъ жизни. И это же и есть самое могущественное орудіе, данное человѣку для воздѣйствія на другихъ людей, въ томъ числѣ и на своихъ дѣтей, которыя всегда невольно ближе всего къ намъ. Fais ce que dois, advienne que pourra—болѣе всего относится къ воспитанію».

Подобная же мысль выражена и въ другомъ частномъ письмѣ:

«Я о воспитаніи никогда не писалъ, потому что полагаю, что воспитаніе есть послѣдствіе жизни. Обыкновенно предполагается, что люди извѣстнаго поколѣнія знаютъ, какими должны быть люди вообще, и потому могутъ ихъ готовить къ такому состоянію. Это совершенно несправедливо: люди, во-первыхъ, не знаютъ, какими должны быть люди вообще; они могутъ въ лучшемъ случаѣ знать только идеалъ, къ которому имъ свойственно стремиться; а во-вторыхъ, люди воспитывающіе сами никогда не готовы, не воспитаны, а сами, если не мертвы, то движутся и воспитываются. И потому все воспитаніе сводится къ тому, чтобы самому жить хорошо, т. е. самому дви-

гаться, воспитываться; только этимъ люди вліяютъ на другихъ, воспитываютъ ихъ, и тѣмъ болѣе вліяютъ на дѣтей, съ которыми они связаны» [1]).

Я полагаю, это этихъ выписокъ достаточно для того, чтобы понять, какую огромную отвѣтственность возлагаетъ Л. Н. Толстой на родителей.

Надо помнить главное то, что для того, чтобы мы могли развить въ дѣтяхъ воспитаніемъ хорошія качества, прежде всего мы должны с а м и о б л а д а т ь и м и.

Дѣти, большею частью болѣе честныя, чѣмъ ихъ родители, способны сами воспитывать ихъ, вмѣсто того, чтобы быть воспитанными ими.

Примѣры этого есть и въ произведеніяхъ Льва Николаевича. Такъ, въ «Войнѣ и мирѣ» читаемъ о томъ, какъ Наташа ждетъ возвращенія Пьера изъ Петербурга, сердится, ревнуетъ и уходитъ въ дѣтскую кормить своего единственнаго мальчика Петю.

«Никто ничего не могъ ей сказать столько успокоивающаго, разумнаго, сколько это трехмѣсячное маленькое существо, когда оно лежало у ея груди, и она чувствовала его движеніе рта и сопѣніе носикомъ. Существо это говорило: ты сердишься, ты ревнуешь, ты хотѣла бы ему отомстить, ты боишься, а я вотъ онъ. А я вотъ онъ... И отвѣчать нечего было. Это было больше чѣмъ правда» [2]).

Въ Аннѣ Карениной примѣръ такого рода вліянія ребенка на родителей и взрослыхъ еще рѣзче. Счастливый Вронскій приходитъ къ Аннѣ и хочетъ говорить съ ней о любви. Но вдругъ онъ вспоминаетъ объ ея сынѣ, и это воспоминаніе отравляетъ ему его мечты.

---

[1]) Изъ частнаго письма. [2]) Т. VIII. «Война и миръ», стр. 380.

«Мальчикъ этотъ чаще всѣхъ другихъ былъ помѣхой ихъ отношеній. Когда онъ былъ тутъ, ни Вронскій, ни Анна не только не позволяли себѣ говорить о чемъ-нибудь такомъ, чего бы они не могли повторить при всѣхъ, но они не позволяли себѣ даже и намеками говорить то, чего бы мальчикъ не понялъ. Они не сговаривались объ этомъ, но это установилось само собой. Они считали бы оскорбленіемъ самихъ себя обманывать этого ребенка. При немъ они говорили между собой какъ знакомые. Но, несмотря на эту осторожность, Вронскій часто видѣлъ устремленный на него, внимательный и недоумѣвающій взглядъ ребенка и странную робость, неровность, то ласку, то холодность и застѣнчивость, въ отношеніи къ себѣ этого мальчика. Какъ будто ребенокъ чувствовалъ, что между этимъ человѣкомъ и его матерью есть какое-то важное отношеніе, значеніе котораго онъ понять не можетъ.

Дѣйствительно, мальчикъ чувствовалъ, что онъ не можетъ понять этого отношенія, и силился и не могъ уяснить себѣ то чувство, которое онъ долженъ имѣть къ этому человѣку. Съ чуткостью ребенка къ проявленію чувства, онъ ясно видѣлъ, что отецъ, гувернантка, няня, — всѣ не только не любили, но съ отвращеніемъ и страхомъ смотрѣли на Вронскаго, хотя и ничего не говорили про него, а что мать смотрѣла на него какъ на лучшаго друга.

«Что же это значитъ? Кто онъ такой? Какъ надо любить его? Если я не понимаю, я виноватъ, или я глупый или дурной мальчикъ, — думалъ ребенокъ, и отъ этого происходили его испытующее, вопросительное, отчасти непріязненное выраженіе и робость и

неровность, которыя такъ стѣсняли Вронскаго. Присутствіе этого ребенка всегда и неизмѣнно вызывало во Вронскомъ то странное чувство безпричиннаго омерзѣнія, которое онъ испытывалъ послѣднее время. Присутствіе этого ребенка вызывало во Вронскомъ и въ Аннѣ чувство, подобное чувству мореплавателя, видящаго по компасу, что направленіе, по которому онъ быстро движется, далеко расходится съ надлежащимъ, но что остановить движеніе не въ его силахъ, что каждая минута удаляетъ его больше и больше, и что признаться себѣ въ отступленіи отъ должнаго направленія — все равно, что признаться въ погибели.

Ребенокъ этотъ со своимъ наивнымъ взглядомъ на жизнь былъ компасъ, который показывалъ имъ степень ихъ отклоненія отъ того, что они знали, но не хотѣли знать» [1]).

Этою мыслью о томъ, что при воспитаніи дѣтей воспитатель часто становится въ положеніе воспитываемаго, мы закончимъ нашу первую статью.

II.

Въ предыдущей статьѣ мы привели нѣкоторыя общія мысли и отрывки художественныхъ описаній Льва Николаевича по поводу отношенія между родителями и дѣтьми Посмотримъ теперь, какъ въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого характеризуются различные моменты дѣтской жизни и ихъ послѣдовательная связь въ развитіи дѣтской души.

Кажется, ни одинъ изъ писателей не зашелъ такъ

---

[1]) Т. IX. Анна Каренина, стр. 290.

далеко и глубоко въ описаніи дѣтства, какъ Л. Н. Толстой. Его автобіографическія воспоминанія начинаются съ перваго года жизни ребенка [1]).

Ему смутно вспоминается, какъ его пеленали и мыли въ корытѣ. Воспоминанія эти, очень неясныя для него самого, тѣмъ не менѣе оставляютъ впечатлѣніе радости жизни, и они наводятъ его на слѣдующіе вопросы и размышленія.

«Когда же я начался? Когда началъ жить? И почему мнѣ радостно представлять себя тогда, а бывало страшно, какъ и теперь страшно многимъ, представлять себя тогда, когда я опять вступлю въ то состояніе смерти, отъ котораго не будетъ воспоминаній, выразимыхъ словами? Развѣ я не жилъ тогда, когда учился смотрѣть, слушать, понимать, говорить, когда спалъ, сосалъ грудь и цѣловалъ грудь и смѣялся и радовалъ мою мать? Я жилъ и блаженно жилъ. Развѣ не тогда я пріобрѣталъ все то, чѣмъ я теперь живу, и пріобрѣлъ такъ много, такъ быстро, что во всю остальную жизнь я не пріобрѣлъ и одной сотой того? Отъ пятилѣтняго ребенка до меня только шагъ. Отъ новорожденнаго до пятилѣтняго страшное разстояніе. Отъ зародыша до новорожденнаго — пучина. А отъ несуществованія до зародыша отдѣляетъ уже не пучина, а непостижимость».

Затѣмъ воспоминанія его уже переходятъ къ четыремъ - пяти годамъ. Тутъ въ воспоминаніяхъ уже являются окружающіе его люди, принимавшіе участіе въ воспитаніи: няня, тетка, прислуга и нѣмецъ Ѳедоръ Ивановичъ. Являются чувства веселья, страха и

---

[1]) Сборникъ «Русскимъ матерямъ» Горбунова-Посадова, статья «Первыя воспоминанія».

зародышъ чувства нравственнаго, осуждающаго поведеніе Оедора Ивановича. Отсутствуютъ только непосредственныя впечатлѣнія природы, и это обстоятельство вызываетъ въ писателѣ такія мысли:

«Природа до пяти лѣтъ не существуетъ для меня. Все, что я помню, все происходитъ въ постелькѣ, горницѣ.

Ни травы, ни листьевъ, ни неба, ни солнца не существуетъ для меня. Не можетъ быть, чтобъ я не видалъ травы, чтобъ не давали мнѣ играть цвѣтами, листьями, чтобы не защищали меня отъ солнца, но лѣтъ до пяти, до шести нѣтъ ни одного воспоминанія изъ того, что мы называемъ природой. Вѣроятно, надо уйти отъ нея, чтобы видѣть ее, а я былъ природа».

Такъ постепенно подходитъ Левъ Николаевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ къ тому критическому моменту, когда въ душу его начинаетъ проникать сознаніе долга.

«При переводѣ меня внизъ къ Оедору Ивановичу и мальчикамъ я испыталъ въ первый разъ, и потому сильнѣй, чѣмъ когда-либо послѣ, то чувство, которое называютъ чувствомъ долга, называютъ чувствомъ креста, который призванъ нести каждый человѣкъ».

И далѣе онъ говоритъ:

«Много разъ потомъ въ жизни мнѣ приходилось переживать такія минуты на распутьяхъ жизни, вступая на новыя дороги. Я испытывалъ тихое горе о безвозвратности утраченнаго: я все не вѣрилъ, что это будетъ. Хотя мнѣ и говорили про то, что меня переведутъ къ мальчикамъ, но, помню, халатъ съ подтяжкой, пришитой къ спинѣ, который на меня надѣли, какъ будто отрѣзалъ меня навсегда отъ верха,

и я тутъ въ первый разъ замѣтилъ не всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ я жилъ на верху, но главное лицо, съ которымъ я жилъ и которое я не помнилъ прежде. Это была тетушка Т. А. Помню невысокую, плотную, черноволосую, добрую, нѣжную, жалостную. Она надѣвала на меня халатъ, обнимая, подпоясывала и цѣловала, и я видѣлъ, что она чувствовала то самое, что и я, что жалко, ужасно жалко, но должно. Въ первый разъ я почувствовалъ, что жизнь не игрушка, а трудное дѣло».

Все это представляетъ намъ драгоцѣнный матеріалъ для психологіи ребенка и показываетъ, какъ рано начинаются сознательныя впечатлѣнія ребенка, часто не замѣчаемыя родителями и воспитателями.

А между тѣмъ эти первыя впечатлѣнія самыя драгоцѣнныя, потому что они составятъ ту почву или основу, на которую потомъ будутъ падать всѣ сѣмена внѣшнихъ впечатлѣній и изъ которыхъ вырастетъ нравственная личность человѣка.

Мы переходимъ теперь къ сочиненію Льва Николаевича, столь хорошо извѣстному русской публикѣ, а именно къ «Дѣтству, отрочеству и юности». Мы выписываемъ изъ этого сочиненія, а также, по мѣрѣ надобности, изъ другихъ, позднѣйшихъ, тѣ мѣста, которыя изображаютъ главнѣйшіе моменты въ развитіи дѣтской души и которыя, какъ вѣхи на дорогѣ, опредѣляютъ направленіе пути этого развитія.

«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій» [1]).

[1]) Собраніе соч., т. I, стр. 57.

И всѣ воспоминанія Л. Н. изъ его ранняго дѣтства переполнены чувствомъ радости, жизни и благоговѣнія къ утраченной счастливой порѣ.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ произведеній, желая сильнѣе выразить чувство радости взрослаго человѣка, онъ сравниваетъ его съ дѣтскою радостью:

«Помните ли вы это радостное чувство дѣтства, когда въ ваши именины васъ принарядили, повезли къ обѣднѣ и вы, возвратившись съ праздникомъ на платьѣ, на лицѣ и въ душѣ, нашли дома гостей и игрушки? Вы знаете, что нынче нѣтъ классовъ, что большіе даже празднуютъ, что нынче для цѣлаго дома день исключенія и удовольствій; вы знаете, что вы одни причиной этого торжества, и что, что бы вы ни сдѣлали, вамъ простятъ, и вамъ странно, что люди на улицахъ не празднуютъ такъ же, какъ ваши домашніе, и звуки слышнѣе, и цвѣта ярче, — однимъ словомъ, именинное чувство» [1]).

А вотъ какъ изображаетъ Л Н. одно изъ блаженнѣйшихъ состояній ребенка, засыпанье его:

«Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце, на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія, — но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи — единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливымъ, и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: дай Богъ ему счастья, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать. Потомъ любимую фар-

1) Собраніе сочиненій, т. II, стр. 523.

форовую игрушку — зайчика или собачку — уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы Богъ далъ счастья всѣмъ, чтобы всѣ были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ»[1]).

Воспоминанія объ этомъ утраченномъ времени наводятъ Льва Николаевича на такія грустныя думы:

«Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели — невинная веселость и безпредѣльная потребность любви — были единственными побужденіями въ жизни? Гдѣ тѣ горячія молитвы? Гдѣ лучшій даръ — тѣ чистыя слезы умиленья? Прилеталъ ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію.

Неужели жизнь оставила такіе тяжелые слѣды въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?»[2])

И часто сами дѣти не цѣнятъ этого великаго времени. И тогда является для матери возможность помочь ребенку исчерпать все благо, которое можетъ дать ему дѣтство.

«Странно»,— говоритъ далѣе Левъ Николаевичъ,— отчего, когда я былъ ребенкомъ, я старался быть похожимъ на большого, а съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ быть имъ, часто желалъ быть похожимъ на

[1]) Собр. сочиненій, т. I, стр. 60. [2]) Собраніе сочиненій, т. I, стр. 60.

него. Сколько разъ это желаніе — не быть похожимъ на маленькаго, въ моихъ отношеніяхъ съ Сережей, останавливало чувство, готовое излиться, и заставляло лицемѣрить. Я не только не смѣлъ поцѣловать его, чего мнѣ иногда очень хотѣлось, взять его за руку, сказать, какъ я радъ его видѣть, но не смѣлъ даже называть его Сережей, а непремѣнно Сергѣй: такъ ужъ было заведено у насъ. Каждое выраженіе чувствительности доказывало ребячество и то, что тотъ, кто позволялъ себѣ его, былъ еще мальчишка. Не пройдя еще черезъ тѣ горькія испытанія, которыя доводятъ взрослыхъ до осторожности и холодности въ отношеніяхъ, мы лишали себя чистыхъ наслажденій нѣжной дѣтской привязанности по одному только странному желанію подражать большимъ» [1]).

Кромѣ проявленія этого непосредственнаго чувства радости жизни, дѣтство дорого еще тѣмъ, что въ это время пускаетъ «ростокъ», какъ выражается Л. Н., самый важный всеобъемлющій духовный элементъ человѣческой жизни: любовь къ ближнему.

Въ книгѣ «о жизни» Л. Н. говоритъ:

«Всѣ люди съ самыхъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ знаютъ, что, кромѣ блага животной личности, есть еще одно, лучшее благо жизни, которое не только независимо отъ удовлетворенія похотей животной личности, но, напротивъ, бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше отреченіе отъ блага животной личности» [2]).

И дальше, въ той же книгѣ онъ говоритъ:

«Кто изъ живыхъ людей не знаетъ того блаженнаго чувства, разъ испытаннаго и чаще всего въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда душа не была еще засорена

1) Собр. соч., т. I, стр. 80. 2) Собр. соч., т. XIII, стр. 17.

всей той ложью, которая заглушаетъ въ насъ жизнь, — того блаженнаго чувства умиленія, при которомъ хочется любить всѣхъ: и близкихъ, и отца, и мать, и братьевъ, и злыхъ людей, и враговъ, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного, чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всѣмъ было хорошо и радостно. Это-то и есть, и это одно есть та любовь, въ которой жизнь человѣка.

«Любовь эта, въ которой только и есть жизнь, проявляется въ душѣ человѣка какъ чуть замѣтный, нѣжный ростокъ среди похожихъ на нее грубыхъ ростковъ сорныхъ травъ, различныхъ похотей человѣка, которыя мы называемъ любовью. Сначала людямъ и самому человѣку кажется, что этотъ ростокъ — тотъ, изъ котораго должно вырастать то дерево, въ которомъ будутъ укрываться птицы, и всѣ другіе ростки, — все одно и то же.

«Люди даже предпочитаютъ сначала ростки сорныхъ травъ, которые растутъ быстрѣе, и единственный ростокъ жизни глохнетъ и замираетъ; но еще хуже то, что еще чаще бываетъ: люди слышали, что въ числѣ этихъ ростковъ есть одинъ настоящій, жизненный, называемый любовью, и они, вмѣсто него, топча его, начинаютъ воспитывать другой ростокъ сорной травы, называя его любовью. Но что еще хуже: люди грубыми руками ухватываютъ самый ростокъ и кричатъ: «Вотъ онъ, мы нашли его, мы теперь знаемъ его, возрастимъ его. Любовь, любовь, высшее чувство, вотъ оно!» И люди начинаютъ пере-

саживать его, исправлять его, и захватываютъ, заминаютъ его такъ, что ростокъ умираетъ, не расцвѣтши, и тѣ же или другіе люди говорятъ: «Все это вздоръ, пустяки, сантиментальность». Ростокъ любви, при появленіи своемъ нѣжный, не терпящій прикосновенія, могущественъ только при своемъ разрастѣ. Все, что будутъ дѣлать надъ нимъ люди, только хуже для него. Ему нужно одно — чтобы ничто не скрывало отъ него солнца разума, которое одно возращаетъ его» [1]).

Какую огромную отвѣтственность и какую важную обязанность налагаютъ эти слова на родителей и воспитателей! И все ихъ дѣло состоитъ лишь въ томъ, чтобы не помѣшать ребенку стать человѣкомъ!

Но проходитъ счастливое беззаботное дѣтство, и наступаетъ пора сознательной жизни, проявленія общественнаго инстинкта. Вотъ какъ описываетъ Л. Н. этотъ моментъ перехода отъ дѣтства къ отрочеству:

«Случалось ли вамъ, читатель, въ извѣстную пору жизни, вдругъ замѣчать, что вашъ взглядъ на вещи совершенно измѣняется, какъ будто всѣ предметы, которые вы видѣли до сихъ поръ, вдругъ повернулись къ вамъ другою, неизвѣстной еще стороной?

«Такого рода моральная перемѣна произошла во мнѣ въ первый разъ во время нашего путешествія, съ котораго я и считаю начало моего отрочества.

«Мнѣ въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ, что не мы одни, т. е. наше семейство, живемъ на свѣтѣ, что не всѣ интересы вертятся около насъ, а что существуетъ другая жизнь людей, ничего

[1]) Собр. сочиненій, т. XIII, стр. 31.

не имѣющихъ общаго съ нами, не заботящихся о насъ и даже не имѣющихъ понятія о нашемъ существованіи. Безъ сомнѣнія, я и прежде зналъ все это, но зналъ не такъ, какъ я это узналъ теперь, не сознавалъ, не чувствовалъ» [1]).

Въ періодъ дѣтства еще мало разницы между мальчиками и дѣвочками, они вмѣстѣ живутъ, вмѣстѣ играютъ, интересы и характеры ихъ сходны. Но по мѣрѣ приближенія къ отрочеству и отъ отрочества къ юности разница эта выдѣляется все болѣе и болѣе рѣзко, и это заставляетъ Л. Н. дать особую характеристику двумъ типамъ дѣвочекъ, Любочки и Катеньки, которыхъ онъ изображаетъ въ своей повѣсти. Онъ говоритъ такъ:

«Любочка во всемъ проста и натуральна; Катенька же какъ будто хочетъ быть похожею на кого-то. Любочка смотритъ всегда прямо, и иногда, остановивъ на комъ-нибудь свои огромные, черные глаза, не спускаетъ ихъ такъ долго, что ее бранятъ за это, говоря, что это не учтиво. Катенька, напротивъ, опускаетъ рѣсницы, щурится и увѣряетъ, что она близорука, тогда какъ я очень хорошо знаю, что она прекрасно видитъ. Любочка не любитъ ломаться при постороннихъ и, когда кто-нибудь при гостяхъ начинаетъ цѣловать ее, она дуется и говоритъ, что терпѣть не можетъ нѣжностей; Катенька, напротивъ, при гостяхъ всегда дѣлается особенно нѣжна къ Ми-ми и любитъ, обнявшись съ какою-нибудь дѣвочкой, ходить по залѣ. Любочка страшная хохотунья и иногда, въ припадкѣ смѣха, машетъ руками и бѣгаетъ по комнатѣ; Катенька, напротивъ, закрываетъ

[1]) Собр. сочиненій, т. I, стр. 57.

ротъ платкомъ или руками, когда начинаетъ смѣяться. Любочка всегда сидитъ прямо и ходитъ, опустивъ руки; Катенька держитъ голову нѣсколько на бокъ и ходитъ, сложивъ руки. Любочка всегда ужасно рада, когда ей удается поговорить, что она непремѣнно выйдетъ замужъ за гусара. Катенька же говоритъ, что всѣ мужчины ей гадки, что она никогда не выйдетъ замужъ, и дѣлается совсѣмъ другая, какъ будто она боится чего-то, когда мужчина говоритъ съ ней. Любочка вѣчно негодуетъ на Мими за то, что ее такъ стягиваютъ корсетами, что «дышать нельзя», и любитъ покушать; Катенька, напротивъ, часто, поддѣвая палецъ подъ мысъ своего платья, показываетъ намъ, какъ оно ей широко, и ѣстъ чрезвычайно мало. Любочка любитъ рисовать головки; Катенька же рисуетъ только цвѣты и бабочекъ. Любочка играетъ отчетливо фильдовскіе концерты, нѣкоторыя сонаты Бетховена; Катенька играетъ варіаціи и вальсы, задерживаетъ темпъ, стучитъ, безпрестанно беретъ педаль и, прежде чѣмъ начинать играть что-нибудь, съ чувствомъ беретъ три аккорда agredjio» [1]).

По мѣрѣ развитія, ученія, чтенія, наблюденія, въ ребенкѣ все сильнѣе и сильнѣе становится работа мысли. И вотъ Л. Н. отмѣчаетъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ моментовъ этой работы мысли, моментъ, выводящій человѣка даже изъ отрочества и приближающій его къ горячей юности. Этотъ моментъ, быть-можетъ, самый дорогой въ жизни человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ самый опасный. Это — моментъ зарожденія вопросовъ жизни, начало скептицизма, когда человѣкъ, сознавая силу своего разума, перестаетъ на сло-

[1]) Собр. соч., т. I, стр. 11,.

во вѣрить окружающимъ его людямъ и книгамъ, начинаетъ во всемъ сомнѣваться и искать своє, удовлетворяющее его, рѣшеніе возникающимъ передъ нимъ жизненнымъ вопросамъ.

Вотъ какъ выражается этотъ моментъ въ жизни героя «Отрочества»:

«Едва ли мнѣ повѣрятъ, какіе были любимѣйшіе и постояннѣйшіе предметы моихъ размышленій во время моего отрочества, — такъ они были несообразны съ моимъ возрастомъ и положеніемъ. Но, по моему мнѣнію, несообразность между положеніемъ человѣка и его моральною дѣятельностью есть вѣрнѣйшій признакъ истины.

«Въ продолженіе года, во время котораго я велъ уединенную сосредоточенную въ самомъ себѣ, моральную жизнь, всѣ отвлеченные вопросы о назначеніи человѣка, о будущей жизни, о безсмертіи души уже представились мнѣ; и дѣтскій, слабый умъ мой со всѣмъ жаромъ неопытности старался уяснить тѣ вопросы, предложеніе которыхъ составляетъ высшую ступень, до которой можетъ достигнуть умъ человѣческій, но разрѣшеніе которыхъ не дано ему» [1]).

И далѣе тамъ же:

«Но ни однимъ изъ всѣхъ философскихъ направленій я не увлекался такъ, какъ скептицизмомъ, который одно время довелъ меня до состоянія, близкаго къ сумасшествію. Я воображалъ, что кромѣ меня никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы — не предметы, а образы, являющіеся только тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что какъ скоро я перестаю думать о нихъ, образы эти

[1]) Собр. соч., т. I, стр. 209.

тотчасъ же исчезаютъ. Однимъ словомъ, я сошелся съ Шеллингомъ въ убѣжденіи, что существуютъ не предметы, а мое отношеніе къ нимъ. Были минуты, что я, подъ вліяніемъ этой постоянной идеи, доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался въ противоположную сторону, надѣясь врасплохъ застать пустоту (néan) тамъ, гдѣ меня не было» [1]).

Мы знаемъ, куда приводитъ развитіе этого начала. Оно ведетъ или къ прямолинейному отрицанію всякой возможности рѣшеній жизненныхъ вопросовъ и приводитъ сначала или къ теоретическому матеріализму и нигилизму и кончается практическимъ животнымъ эгоизмомъ или, наоборотъ, утомленнаго безплодными исканіями человѣка толкаетъ въ увлекающій его потокъ безсознательной, тупой жизни толпы, и теченіе этого потока приводитъ его къ той же грубой животной жизни. Les extrémités se touchent.

Но если въ человѣкѣ живъ ростокъ истинной жизни и ему не помѣшаютъ выйти изъ тьмы къ свѣту, то съ теченіемъ времени онъ будетъ все болѣе и болѣе крѣпнуть и дальше и шире стремиться къ благу, къ идеалу. И тогда скептицизмъ поможетъ ему только расчистить хламъ, засоряющій его душу. Это стремленіе къ совершенству составляетъ начало юности.

«Я сказалъ, что дружба моя съ Дмитріемъ открыла мнѣ новый взглядъ на жизнь, ея цѣль и отношенія. Сущность этого взгляда состояла въ убѣжденіи, что назначеніе человѣка есть стремленіе къ нравственному усовершенствованію, и что усовершенствованіе это легко, возможно и вѣчно» [2]).

---

[1]) Собр. соч., т. I, стр. 211. [2]) Собр. соч., т. I, стр. 241.

Далѣе Л. Н. подробнѣе изображаетъ мечты юности, въ которыхъ уже замѣтна борьба человѣка съ страстями и похотями, съ мірскими соблазнами. И эта святая борьба такъ благотворно вліяетъ на образованіе характера человѣка и такъ драгоцѣнна не только въ юности, но и во всей послѣдующей жизни человѣка, что мы считаемъ не лишнимъ, почти цѣликомъ, выписать эти «мечты юности».

«У меня будетъ особенная комната (вѣрно St.-Jerôm'ова) и я буду самъ убирать ее и держать въ удивительной чистотѣ; человѣка же ничего для себя не буду заставлять дѣлать. Вѣдь онъ такой же, какъ и я. Потомъ буду ходить каждый день въ университетъ пѣшкомъ (а ежели мнѣ дадутъ дрожки, то продамъ ихъ и деньги эти отложу на бѣдныхъ) и въ точности буду исполнять все (что было это «все», я никакъ бы не могъ сказать тогда, но я живо понималъ и чувствовалъ это «все» разумной, нравственной, безупречной жизни). Буду составлять лекціи и даже впередъ проходить предметы, такъ что на первомъ курсѣ буду первымъ и напишу диссертацію; на второмъ курсѣ уже впередъ буду знать все, и меня могутъ перевести прямо на третій курсъ, такъ что я восемнадцати лѣтъ кончу курсъ первымъ кандидатомъ съ двумя золотыми медалями, потомъ выдержу на магистра, на доктора и сдѣлаюсь первымъ ученымъ въ Россіи... даже въ Европѣ я могу быть первымъ ученымъ... Ну, а потомъ? — спрашивалъ я самъ себя, — но тутъ я припомнилъ, что эти мечты — гордость, грѣхъ, и возвратился къ началу разсужденій. Для приготовленія къ лекціямъ я буду ходить пѣшкомъ на Воробьевы горы; выберу себѣ тамъ мѣстечко подъ деревомъ

и буду читать лекціи; иногда возьму съ собой что-нибудь закусить: сыру или пирожковъ отъ Педотти, или что-нибудь. Отдохну и потомъ стану читать какую-нибудь хорошую книгу, или буду рисовать виды, или играть на какомъ-нибудь инструментѣ (непремѣнно выучусь играть на флейтѣ). Потомъ она также будетъ ходить гулять на Воробьевы горы, и когда-нибудь подойдетъ ко мнѣ и спроситъ, кто я такой. Я посмотрю на нее этакъ печально и скажу, что я сынъ священника одного и что я счастливъ только здѣсь, когда одинъ, совершенно одинъ-одинешенекъ. Она подастъ мнѣ руку, скажетъ что-нибудь и сядетъ подлѣ меня. Такъ каждый день мы будемъ приходить сюда, будемъ друзьями, и я буду цѣловать ее... Нѣтъ, это не хорошо. Напротивъ, съ нынѣшняго дня я уже больше не буду смотрѣть на женщинъ. Никогда, никогда не буду ходить въ дѣвичью, даже буду стараться не проходить мимо; а черезъ три года выйду изъ-подъ опеки и женюсь непремѣнно. Буду дѣлать нарочно движенья какъ можно больше, гимнастику каждый день, такъ что когда мнѣ будетъ двадцать пять лѣтъ, я буду сильнѣе Раппо [1]). Первый день буду держать полпуда «вытянутой рукой» пять минутъ, на другой день — двадцать-одинъ фунтъ, на третій день — двадцать-два фунта и такъ далѣе, такъ что, наконецъ, по четыре пуда въ каждой рукѣ, и такъ, что буду сильнѣй всѣхъ въ дворнѣ; и когда вдругъ кто-нибудь вздумаетъ оскорбить меня или станетъ отзываться не почтительно о ней, я возьму его такъ просто за грудь, подниму аршина на два отъ земли одною рукой и только подержу, чтобы почувствовалъ

[1]) Извѣстный силачъ того времени.

мою силу, и оставлю; но, впрочемъ, и это нехорошо; нѣтъ, ничего, вѣдь я ему зла не сдѣлаю, а только докажу, что я»...

«Да не упрекнутъ меня въ томъ, что мечты моей юности такія же ребяческія, какъ мечты дѣтства и отрочества. Я убѣжденъ въ томъ, что, ежели мнѣ суждено прожить до глубокой старости, и разсказъ мой догонитъ мой возрастъ, я старикомъ семидесяти лѣтъ буду точно такъ же невозможно-ребячески мечтать, какъ и теперь. Буду мечтать о какой-нибудь прелестной Маріи, которая полюбитъ меня, беззубаго старика, какъ она полюбила Мазепу, о томъ, какъ мой слабоумный сынъ вдругъ сдѣлается министромъ по какому-нибудь необыкновенному случаю или о томъ, какъ вдругъ у меня будетъ пропасть милліоновъ денегъ. Я убѣжденъ, что нѣтъ человѣческаго существа и возраста, лишеннаго этой благодѣтельной, утѣшительной способности мечтанія. Но, исключая общей черты невозможности — волшебности мечтаній, мечтанія каждаго человѣка и каждаго возраста имѣютъ свой отличительный характеръ. Въ тотъ періодъ времени, который я считаю предѣломъ отрочества и началомъ юности, основой моихъ мечтаній были четыре чувства: любовь къ ней, къ воображаемой женщинѣ, о которой я мечталъ всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ и которую всякую минуту ожидалъ гдѣ-нибудь встрѣтить. Эта она была немножко Соничка, немножко Маша, жена Василія, въ то время, какъ она моетъ бѣлье въ корытѣ, и немножко женщина съ жемчугами на бѣлой шеѣ, которую я видѣлъ очень давно въ театрѣ, въ ложѣ подлѣ насъ. Второе чувство была любовь любви. Мнѣ хотѣлось,

чтобы всѣ меня знали и любили. Мнѣ хотѣлось сказать свое имя: Николай Иртеньевъ, и чтобы всѣ были поражены этимъ извѣстіемъ, обступили меня и благодарили бы за что-нибудь. Третье чувство было надежда на необыкновенное, тщеславное счастье, — такая сильная и твердая, что она переходила въ сумасшествіе. Я такъ былъ увѣренъ, что очень скоро, вслѣдствіе какого-нибудь необыкновеннаго случая, вдругъ сдѣлаюсь самымъ богатымъ и самымъ знатнымъ человѣкомъ въ мірѣ, что безпрестанно находился въ тревожномъ ожиданіи чего-то волшебно-счастливаго. Я все ждалъ, что вотъ начнется, и я достигну всего, чего можетъ желать человѣкъ, и всегда повсюду торопился, полагая, что уже начинается тамъ, гдѣ меня нѣтъ. Четвертое и главное чувство было отвращеніе къ самому себѣ и раскаяніе, но раскаяніе до такой степени слитое съ надеждой на счастье, что оно не имѣло въ себѣ ничего печальнаго. Мнѣ казалось такъ легко и естественно оторваться отъ всего прошедшаго, передѣлать, забыть все, что было, и начать свою жизнь со всѣми ея отношеніями совершенно снова, чтобы прошедшее не тяготило, не связывало меня. Я даже наслаждался въ отвращеніи къ прошедшему и старался видѣть его мрачнѣе, чѣмъ оно было. Чѣмъ чернѣе былъ кругъ воспоминаній прошедшаго, тѣмъ чище и свѣтлѣе выдавалась изъ него свѣтлая, чистая точка настоящаго и разливались радужные цвѣта будущаго. Этотъ-то голосъ раскаянія и страстнаго желанія совершенства и былъ главнымъ новымъ душевнымъ ощущеніемъ въ ту эпоху моего развитія, и онъ-то положилъ новыя начала моему взгляду на себя, на людей и на міръ Божій. Благой, отрадный

голосъ, столько разъ съ тѣхъ поръ, въ тѣ грустныя времена, когда душа молча покорялась власти жизненной лжи и разврата, вдругъ смѣло возстававшій противъ всякой неправды, злостно обличавшій прошедшее, указывавшій, заставляя любить ее, ясную точку настоящаго и обѣщавшій добро и счастье въ будущемъ, — благой, отрадный голосъ! Неужели ты перестанешь звучать когда нибудь?» [1]).

Къ счастью для него и для насъ, голосъ этотъ звучитъ въ немъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и вдохновеннѣе.

Что же соотвѣтствуетъ этому моменту юности въ развитіи дѣвочки? Насколько есть общаго въ душевной организаціи мальчиковъ и дѣвочекъ, настолько общи и моменты ихъ умственной, сознательной жизни, но именно въ этомъ заключительномъ моментѣ проявляется и наибольшая разница.

Тогда какъ мальчикъ или юноша по мѣрѣ развитія все крѣпче и крѣпче становится на свои ноги и дѣлается самостоятельнымъ, дѣвушка теряетъ эту самостоятельность и приходитъ въ состояніе неопредѣленныхъ сомнѣній, мечтаній. Это состояніе дѣвушки хорошо описано графомъ Толстымъ въ повѣсти «Семейное счастье».

«...Когда Катя уговаривала меня заняться тѣмъ или другимъ, я отвѣчала: не хочется, не могу, а въ душѣ мнѣ говорилось: зачѣмъ? Зачѣмъ что-нибудь дѣлать, когда такъ даромъ пропадаетъ мое лучшее время? Зачѣмъ? А на «зачѣмъ» не было другого отвѣта, какъ слезы.

---

[1]) Собр. сочинений, т. I, стр. 247.

«...Мнѣ говорили, что я похудѣла и подурнѣла въ это время, но это даже не занимало меня. Зачѣмъ? Для кого? Мнѣ казалось, что вся моя жизнь такъ и должна пройти въ этой одинокой глуши и безпомощной тоскѣ, изъ которой я сама, одна, не имѣла силы и даже желанія выйти» [1])...

Одинъ исходъ изъ такого состоянія, всѣмъ хорошо и давно извѣстный, это — замужество.

Но этотъ исходъ становится для людей все сложнѣе и сомнительнѣе по тому благу, которое онъ можетъ дать. Здѣсь не мѣсто затрогивать вопросъ о бракѣ, и потому мы ограничимся только замѣчаніемъ, что не всѣмъ же дѣвушкамъ бываетъ можно выйти замужъ; что же дѣлать такимъ, которыя не хотятъ или не могутъ выйти, и поищемъ, если не рѣшенія, то намека на рѣшеніе этого вопроса въ сочиненіяхъ Льва Николаевича.

Вотъ что мы находимъ въ Аннѣ Карениной:

— «Да, но что же дѣлать дѣвушкѣ, у которой нѣтъ семьи? — вступился Степанъ Аркадьевичъ, вспоминая о Чибисовой, которую онъ все время имѣлъ въ виду, сочувствуя Песцову и поддерживая его.

— «Если хорошенько разобрать исторію этой дѣвушки, то вы найдете, что эта дѣвушка бросила семью или свою или сестрину, гдѣ бы она могла имѣть женское дѣло, — неожиданно вступая въ разговоръ, сказала съ раздражительностью Дарья Александровна, вѣроятно, догадываясь, какую дѣвушку имѣлъ въ виду Степанъ Аркадьевичъ» [2]).

Далеко не считая вопросъ этотъ рѣшеннымъ, мы замѣтимъ, что, подойдя къ этому моменту жизни дѣ-

[1]) Семейное счастье, ч. I, стр. 2. [2]) Собр. соч., т. X, стр. 235.

вушки, мы должны измѣнить уже взглядъ на нее, какъ на предметъ воспитанія, и потому вопросъ этотъ выходитъ изъ предѣловъ нашей статьи.

Развиваясь такимъ образомъ, дѣти становятся самостоятельными, и имъ предстоитъ итти дальше своихъ родителей и исправлять ошибки ихъ. Прекрасно говоритъ объ этомъ Л. Н—чъ въ «Декабристахъ».

— «Отчего? Оттого, что орлята выучились летать, имъ самимъ нужно вить свои гнѣзда, и отсюда они полетятъ каждый въ свою сторону...

— «Вотъ пустяки, — сказала Соня, принимая у него стаканъ и улыбаясь, какъ она всему улыбалась: — старое гнѣздо отлично!

— «Старое гнѣздо — печальное гнѣздо! Старикъ не умѣлъ свить его, — онъ попалъ въ клѣтку, въ клѣткѣ вывелъ дѣтей и выпустили его тогда, какъ ужъ крылья его плохо носить стали. Нѣтъ, орлятамъ надо свить себѣ гнѣздо выше, счастливѣе, ближе къ солнцу... Затѣмъ они его дѣти, чтобы примѣръ послужилъ имъ... А старый, пока не ослѣпнетъ, будетъ глядѣть, а ослѣпнетъ, будетъ слушать» [1])...

На этомъ мы закончимъ нашъ бѣглый очеркъ духовнаго и умственнаго развитія ребенка, какъ оно выражается въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого.

III.

Въ предыдущей статьѣ мы указали на главнѣйшіе моменты духовнаго развитія ребенка, какъ оно выражается въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого.

[1]) Собр. соч., т. II, стр. 504.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены дать нѣкоторыя детальныя указанія на развитіе дѣтей, на разныя вліянія, испытываемыя ими во время своего роста, на уклоненія отъ нормальнаго развитія и на нѣкоторыя осложненія, встрѣчающіяся при этомъ.

Мы полагаемъ, что всѣ эти данныя, которыя мы продолжаемъ заимствовать изъ полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого и изъ нѣкоторыхъ частныхъ писемъ его, несмотря на свою отрывочность, могутъ возбудить серьезные вопросы и навести на многія мысли, которыя помогутъ родителямъ хоть нѣсколько разобраться въ трудномъ дѣлѣ воспитанія ребенка.

Вчитываясь въ педагогическія сочиненія Л. Н., а также просматривая тѣ мѣста изъ другихъ его произведеній, гдѣ затрогиваются педагогическіе вопросы, мы невольно приходимъ къ заключенію, что Л. Н. придаетъ огромное, рѣшающее значеніе домашнему, внѣшкольному воспитанію и образованію ребенка. На школу онъ смотритъ только какъ на учрежденіе, имѣющее дѣло уже съ готовымъ матеріаломъ, который она въ лучшемъ случаѣ только организуетъ, но никакъ не создаетъ, а часто, къ сожалѣнію, имѣетъ и обратное значеніе.

Возражая въ своихъ педагогическихъ статьяхъ на одно изъ ходячихъ мнѣній о воспитаніи и образованіи, Л. Н. говоритъ:

«Весьма обыкновенно слышать и читать мнѣніе, что домашнія условія, грубость родителей, полевыя работы, деревенскія игры и т. п. суть главныя помѣхи школьному образованію. Можетъ-быть, онѣ точно, мѣшаютъ тому школьному образованію, которое разумѣютъ педагоги, но пора убѣдиться, что всѣ эти

условія суть главныя основанія всякаго образованія, что не только они не враги и не помѣхи школѣ, но первые и главные дѣятели ея. Ребенокъ никогда не могъ бы выучиться ни различію линій, составляющихъ различіе буквъ, ни числамъ, ни способности выражать мысли, если бы не эти домашнія условія» [1]).

И далѣе тамъ же:

«Мало того, интересъ знать что бы то ни было и вопросы, на которые имѣетъ задачею отвѣчать школа, порождаются только этими домашними условіями. А всякое ученіе должно быть только отвѣтомъ на вопросъ, возбужденный жизнью» [2]).

Правда, здѣсь онъ касается преимущественно крестьянской жизни, имѣющей дѣло со всѣмъ разнообразіемъ природы, но не трудно прійти къ такому же заключенію и по отношенію къ жизни интеллигентнаго класса, конечно съ нѣкоторыми ограниченіями.

Поэтому, понятно, какой огромный интересъ имѣютъ въ нашихъ глазахъ тѣ неизгладимыя впечатлѣнія, которыя получаютъ дѣти изъ окружающихъ ихъ условій жизни. Они даютъ богатый матеріалъ для развитія дѣтской души и незамѣтно для насъ направляютъ ея дѣятельность и создаютъ характеръ.

Вотъ что говоритъ Л. Н. о вліяніи музыки:

«Maman играла второй концертъ Фильда – своего учителя. Я дремалъ, и въ моемъ воображеніи возникали какія-то легкія, свѣтлыя и прозрачныя воспоминанія. Она заиграла патетическую сонату Бетховена, и я вспомнилъ что-то грустное, тяжелое и мрачное. Maman часто играла эти двѣ пьесы, поэтому я очень хорошо помню чувство, которое онѣ во мнѣ возбуждали.

[1]) Полн. собран. соч., т. IV, стр. 13. [2]) Полн. собран. соч., т. IV, стр. 14.

Чувство это было похоже на воспоминанія; но воспоминанія чего? Казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было» [1]).

Впечатлѣніе сильное, неотразимое, увлекающее, но неопредѣленное, возбуждающее чувство, но не дающее еще сознательнаго представленія [2]).

Болѣе сознательное, болѣе прочное и болѣе жизненное, иногда переворачивающее весь душевный міръ ребенка, впечатлѣніе получаетъ онъ отъ общенія съ сильными, искренними, оригинальными натурами. Припомнимъ всѣмъ извѣстное мѣсто о странникѣ Гришѣ:

«Вмѣсто веселья и смѣха, на которые я разсчитывалъ, входя въ чуланъ, я чувствовалъ дрожь и замираніе сердца.

«Долго еще находился Гриша въ этомъ положеніи религіознаго восторга и импровизировалъ молитвы. То твердилъ онъ нѣсколько разъ сряду: Господи, помилуй, но каждый разъ съ новою силой и выраженіемъ; то говорилъ онъ: «прости мя, Господи, научи мя, что творити... Научи мя, что творити, Господи!» съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ожидалъ сейчасъ же отвѣта на свои слова; то слышны были одни жалобныя рыданія... Онъ приподнялся на колѣни, сложилъ руки на груди и замолкъ.

«Я потихоньку высунулъ голову изъ двери и не переводилъ дыханія. Гриша не шевелился; изъ груди

---

[1]) Полн. собран. соч., т. I, стр. 45. [2]) Замѣчательно то, что черезъ 20 лѣтъ слишкомъ Л. Н. въ «Крейцеровой сонатѣ» повторяетъ то же опредѣленіе значенія музыки:

«Музыка заставляетъ меня забывать себя, мое истинное положеніе; она переноситъ меня въ какое-то другое, не свое положеніе: мнѣ, подъ вліяніемъ музыки, кажется, что я чувствую то, чего я собственно не чувствую, что я понимаю то, чего я не понимаю, что я могу то, чего не могу».

его вырывались тяжелые вздохи; въ мутномъ зрачкѣ его кривого глаза, освѣщеннаго луною, остановилась слеза.

«Да будетъ воля твоя!—вскричалъ онъ вдругъ съ неподражаемымъ выраженіемъ, упалъ лбомъ на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

«Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много воспоминаній о быломъ потеряли для меня значеніе и стали смутными мечтами, даже и странникъ Гриша давно окончилъ свое послѣднее странствованіе, но впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, и чувство, которое возбудилъ, никогда не умрутъ въ моей памяти.

«О, великій христіанинъ Гриша! Твоя вѣра была такъ сильна, что ты чувствовалъ близость Бога, твоя любовь была такъ велика, что слова сами собою лились изъ устъ твоихъ,—ты ихъ не повѣрялъ разсудкомъ... И какую высокую хвалу ты принесъ Его величію, когда, не находя словъ, въ слезахъ повалился на землю»!..[1]).

Столь же, если не еще болѣе сильный толчокъ сознанію, зарождая въ немъ мысли о жизни и смерти, даетъ ребенку смерть его матери. Нѣтъ человѣка или семьи, которымъ бы не пришлось въ жизни переживать тяжелой утраты близкаго человѣка. Сознательное отношеніе къ этому великому въ жизни человѣка явленію,—къ смерти, служитъ однимъ изъ главныхъ руководителей жизни. Вотъ почему вліяніе этого событія на дѣтскую душу бываетъ столь значительно.

«Я смотрѣлъ и чувствовалъ, что какая-то непонятная непреодолимая сила притягиваетъ мои глаза

1) Полн. собр. соч., т. I, стр. 45.

къ этому безжизненному лицу. Я не спускалъ съ него глазъ, а воображеніе рисовало мнѣ картины, цвѣтущія жизнью и счастьемъ. Я забывалъ, что мертвое тѣло, которое лежало предо мною, и на которое я безсмысленно смотрѣлъ, какъ на предметъ, не имѣющій ничего общаго съ моими воспоминаніями, была она. Я воображалъ ее то въ томъ, то въ другомъ положеніи: живою, веселою, улыбающеюся; потомъ вдругъ меня поражала какая-нибудь черта въ блѣдномъ лицѣ, на которомъ остановились мои глаза; я вспоминалъ ужасную дѣйствительность, содрогался, но не переставалъ смотрѣть. И снова мечты замѣняли дѣйствительность, и снова сознаніе дѣйствительности разрушало мечты. Наконецъ, воображеніе устало, оно перестало обманывать меня, сознаніе дѣйствительности тоже исчезло, и я совершенно забылся. Не знаю, сколько времени пробылъ я въ этомъ положеніи, не знаю, въ чемъ состояло оно; знаю только то, что на время я потерялъ сознаніе своего существованія и испытывалъ какое-то высокое, неизъяснимо-пріятное и грустное наслажденіе.

«Можетъ-быть, отлетая къ міру лучшему, ея прекрасная душа съ грустью оглянулась на тотъ, въ которомъ она оставляла насъ; она увидѣла мою печаль, сжалилась надъ нею, и на крыльяхъ любви, съ небесною улыбкой сожалѣнія спустилась на землю, чтобы утѣшить и благословить меня» [1]).

И далѣе тамъ же:

«Одна изъ послѣднихъ подошла проститься съ покойницей какая-то крестьянка съ хорошенькою пятилѣтнею дѣвочкой на рукахъ, которую, Богъ знаетъ

[1]) Полное собр. соч., т. I, стр. 117.

зачѣмъ, она принесла сюда. Въ это время я нечаянно уронилъ свой мокрый платокъ и хотѣлъ поднять его; но только что я нагнулся, меня поразилъ страшный пронзительный крикъ, исполненный такого ужаса, что, проживи я сто лѣтъ, я никогда его не забуду и, когда вспомню, всегда пробѣжитъ холодная дрожь по моему тѣлу. Я поднялъ голову: на табуретѣ, подлѣ гроба, стояла та же крестьянка и съ трудомъ удерживала въ рукахъ дѣвочку, которая, отмахиваясь ручонками, откинувъ назадъ испуганное личико и уставивъ выпученные глаза на лицо покойной, кричала страшнымъ, неистовымъ голосомъ. Я вскрикнулъ голосомъ, который, я думаю, былъ еще ужаснѣе того, который поразилъ меня, и выбѣжалъ изъ комнаты.

«Только въ эту минуту я понялъ, отчего происходилъ тотъ сильный, тяжелый запахъ, который, смѣшиваясь съ запахомъ ладана, наполнялъ комнату, и мысль, что то лицо, которое за нѣсколько дней было исполнено красоты и нѣжности, лицо той, которую я любилъ больше всего на свѣтѣ, могло возбуждать ужасъ, какъ будто, въ первый разъ открыла мнѣ горькую истину и наполнила душу отчаяніемъ»[1]).

Можетъ ли школа дать знанія и уроки, хотя подобные по силѣ тѣмъ, которые даются самою жизнью? Но рядомъ съ этими сильными, развивающими душу, вліяніями жизнь даетъ и другое. Организмъ ребенка, развиваясь, заявляетъ свои требованія, удовлетвореніе которыхъ, при осложненныхъ, ненормальныхъ условіяхъ нашей жизни, представляется иногда столь труднымъ, что вопросы эти часто рѣшаются какъ-то уродливо, а еще чаще совсѣмъ не рѣшаются, а какъ-то

[1]) Полн. собр. соч., т. I стр. 121.

умышленно отстраняются, и рѣшаетъ ихъ иногда простой случай, далеко не въ пользу растущаго человѣка. Однимъ изъ главныхъ требованій органической, животной личности человѣка является потребность половой любви. Зачатки этого чувства проявляются едва замѣтно еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Л. Н., всегда вѣрный жизненной правдѣ, отличаетъ нѣкоторые моменты развитія этого чувства въ своемъ героѣ. Такъ, онъ говоритъ:

«Я замѣтилъ, что многія дѣвочки имѣютъ привычку подергивать плечами, стараясь этимъ движеніемъ привести спустившееся платье съ открытою шеей на настоящее мѣсто. Еще помню, что Мими всегда сердилась на это движеніе и говорила: «C'est un geste de femme de chambre».

«Нагнувшись надъ червякомъ, Катенька сдѣлала это самое движеніе, и въ то же время вѣтеръ поднялъ косыночку съ ея бѣленькой шейки. Плечико во время этого движенія было на два пальца отъ моихъ губъ. Я смотрѣлъ уже не на червяка, смотрѣлъ-смотрѣлъ и изо всѣхъ силъ поцѣловалъ плечо Катеньки. Она не обернулась, но я замѣтилъ, что шейка ея и уши покраснѣли. Володя, не поднимая головы, презрительно сказалъ:

— «Что за нѣжности?

«У меня же были слезы на глазахъ.

«Я не спускалъ глазъ съ Катеньки. Я давно уже привыкъ къ ея свѣженькому, бѣлокуренькому личику и всегда любилъ его, но теперь я внимательнѣе сталъ всматриваться въ него и полюбилъ еще больше» [1]).

[1]) Полн. собр. соч., т. I, стр. 36.

Дальше встрѣчается указаніе на то же чувство, но уже болѣе утонченное и смѣшанное съ самолюбіемъ и ревностью:

«Я помню, что, когда Володя, Этьенъ и я разговаривали въ залѣ на такомъ мѣстѣ, съ котораго видна была Сонечка, и она могла видѣть и слышать насъ, я говорилъ съ удовольствіемъ; когда мнѣ случалось сказать, по моимъ понятіямъ, смѣшное или молодецкое слово, я произносилъ его громче и оглядывался на дверь въ гостиную; когда же мы перешли на другое мѣсто, съ котораго насъ нельзя было ни слышать, ни видѣть изъ гостиной, я молчалъ и не находилъ больше никакого удовольствія въ разговорѣ.

«Когда пріѣхали Ивины, вмѣсто удовольствія, которое я обыкновенно испытывалъ при встрѣчѣ съ Сережей, я почувствовалъ какую-то странную досаду на него за то, что онъ увидитъ Сонечку и покажется ей»[1]).

Еще далѣе мы видимъ, что чувство это имѣетъ свое теченіе, начало, развитіе и конецъ, послѣ чего оно смѣняется новымъ, еще болѣе сильнымъ и вытѣсняющимъ первое:

«Я въ первый разъ въ жизни измѣнилъ въ любви и въ первый разъ испыталъ сладость этого чувства. Мнѣ было отрадно перемѣнить изношенное чувство привычной преданности на свѣжее чувство любви, исполненной таинственности и неизвѣстности. Сверхъ того, въ одно и то же время разлюбить и полюбить значитъ полюбить вдвое сильнѣе, чѣмъ прежде»[2]).

Порой это чувство проявляется въ своей простой, грубой, чисто животной формѣ:

[1]) Полн. собр. соч., т. I, стр. 91. [2]) Полн. собр. соч., т. I, стр. 103.

«Но ни одна изъ перемѣнъ, происшедшихъ въ моемъ взглядѣ на вещи, не была такъ поразительна для самого меня, какъ та, вслѣдствіе которой въ одной изъ нашихъ горничныхъ я пересталъ видѣть слугу женскаго пола, а сталъ видѣть женщину, отъ которой могли зависѣть, въ нѣкоторой степени, мое спокойствіе и счастье.

«Въ одну изъ такихъ минутъ, когда, съ урокомъ въ рукѣ, занимаешься прогулкой по комнатѣ, стараясь ступать только по однѣмъ щелямъ половицъ, или пѣніемъ какого нибудь несообразнаго мотива, или размазываніемъ чернилъ по краю стола, или повтореніемъ безъ всякой мысли какого-нибудь изреченія, — однимъ словомъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда умъ отказывается отъ работы, и воображеніе, взявъ верхъ, ищетъ впечатлѣній, я вышелъ изъ классной и безъ всякой цѣли спустился къ площадкѣ.

«Кто-то въ башмакахъ шелъ вверхъ по другому повороту лѣстницы. Разумѣется, мнѣ захотѣлось знать, кто это, но вдругъ шумъ шаговъ замолкъ, и я услыхалъ голосъ Маши: «Ну васъ, что вы балуетесь, а какъ Марья Ивановна придетъ — развѣ хорошо будетъ?»

«Не придетъ», шопотомъ сказалъ голосъ Володи, и вслѣдъ за этимъ что-то зашевелилось, какъ будто Володя хотѣлъ удержать ее.

«Ну, куда руки суете? Безстыдникъ!» и Маша, съ сдернутой на бокъ косынкой, изъ подъ которой виднѣлась бѣлая, полная шея, пробѣжала мимо меня.

«Не могу выразить, до какой степени меня изумило это открытіе; однако, чувство изумленія скоро уступило мѣсто сочувствію поступку Володи; меня уже

не удивлялъ самый его поступокъ, но то, какимъ образомъ онъ постигъ, что пріятно такъ поступать. И мнѣ невольно захотѣлось подражать ему»[1]).

Но во всемъ этомъ еще нѣтъ дурного. Это еще сама природа со всѣмъ своимъ разнообразіемъ свѣта и тѣней. Бѣда въ томъ, что извращенная жизнь даетъ неестественное развитіе этимъ инстинктамъ и, такимъ образомъ, губитъ лучшія молодыя силы.

Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Позднышевъ въ «Крейцеровой сонатѣ»: «И въ изнѣженныхъ дѣтяхъ, какъ и во всякихъ перекормленныхъ животныхъ, не естественно рано проявляется непреодолимая чувственность, составляющая причину страшныхъ мученій этихъ дѣтей въ отроческомъ возрастѣ. Наряды, чтенія, зрѣлища, музыка, танцы, сладкая пища, вся обстановка жизни отъ картинокъ на коробкахъ до романовъ, повѣстей и поэмъ, еще болѣе разжигаютъ эту чувственность, и вслѣдствіе этого самые ужасные половые пороки и болѣзни дѣлаются обычными условіями вырастанія дѣтей обоего пола и часто остаются и въ зрѣломъ возрастѣ»[2]).

Обо всемъ этомъ много писалось и говорилось, особенно въ послѣднее время; писались статьи, издавались книги, собирались конгрессы, создавались цѣлыя общества для борьбы съ этимъ зломъ, но все-таки эти вопросы остаются одними изъ самыхъ жгучихъ и самыхъ трудныхъ вопросовъ воспитанія.

Трудность рѣшенія этого вопроса заставила обратиться одного изъ родителей къ Л. Н. письменно за совѣтомъ по этому вопросу.

Вотъ что, между прочимъ, отвѣтилъ Л. Н., выра-

---

1) Полн. собр. соч., т. I, стр. 159. 2) Полн. собр. соч., т. XII, стр. 373.

жая, какъ онъ это часто дѣлаетъ, въ немногихъ словахъ цѣлую теорію воспитанія:

«Я думаю, что, какъ я писалъ вамъ, не существуетъ особеннаго вопроса воспитанія. Для того, чтобы воспитывать хорошо, надо жить хорошо передъ тѣми, которыхъ воспитываешь. И потому и въ вопросѣ о половомъ общеніи надо быть, насколько можешь, чистымъ и правдивымъ: если считаешь половое общеніе грѣхомъ и живешь цѣломудренно, можно и должно проповѣдывать цѣломудріе дѣтямъ; если стремишься къ цѣломудрію, но не достигаешь его, такъ и надо говорить дѣтямъ. Если же живешь не цѣломудренно и не можешь и не хочешь жить иначе, то невольно будешь скрывать это отъ дѣтей и не будешь имъ говорить про это. Такъ это и дѣлаютъ» [1]).

Но жизнь предъявляетъ еще болѣе сложныя требованія. Съ развитіемъ ребенка въ немъ вырастаютъ чувства сознательнаго эгоизма и честолюбія. Пищу этимъ чувствамъ даетъ часто рано развивающееся въ дѣтяхъ сознаніе различія сословій и связаннаго съ нимъ различія всей обстановки жизни.

Христіанскій идеалъ братства людей давно уже былъ ясенъ Толстому, и онъ съ большимъ осужденіемъ и съ обличительною ироніей относится къ подмѣченному имъ проявленію чувства сословнаго различія въ дѣтяхъ.

Еще въ отрочествѣ онъ отмѣчаетъ зарожденіе вопроса объ экономическомъ неравенствѣ людей, а именно — въ разговорѣ Николеньки съ его пріемной сестрой Катенькой:

«Вѣдь не всегда же мы будемъ жить вмѣстѣ, — от-

[1]) Изъ частнаго письма.

вѣчала Катенька, слегка краснѣя и пристально вглядываясь въ спину Филиппа.—Маменька могла жить у покойницы вашей маменьки, которая была ея другомъ; а съ графиней, которая, говорятъ, такая сердитая, еще, Богъ знаетъ, сойдутся ли онѣ. Кромѣ того, все-таки, когда-нибудь да мы разойдемся; вы богаты — у васъ есть Петровское, а мы бѣдные — у маменьки ничего нѣтъ».

«Вы богаты — мы бѣдны: эти слова и понятія, связанныя съ ними, показались мнѣ необыкновенно странны. Бѣдными, по моимъ тогдашнимъ понятіямъ, могли быть только нищіе и мужики, и это понятіе бѣдности я никакъ не могъ соединить въ своемъ воображеніи съ граціозною, хорошенькою Катенькой. Мнѣ казалось, что Мими и Катенька, ежели всегда жили, то всегда и будутъ жить съ нами и дѣлить все поровну. Иначе и быть не могло. Теперь же тысячи новыхъ, неясныхъ мыслей, касательно одинаковаго положенія ихъ, зароились въ моей головѣ, и мнѣ стало такъ совѣстно, что мы богаты, а онѣ бѣдны, что я покраснѣлъ и не могъ рѣшиться взглянуть на Катеньку» [1]).

И потомъ, въ юности, сознаніе этого сословнаго различія проявляется рѣзче и опредѣленнѣе, и оно часто основывается на привитыхъ воспитаніемъ приличіяхъ, чисто внѣшнихъ, тѣмъ не менѣе, играющихъ очень важную роль въ области людскихъ отношеній.

Вотъ размышленіе по этому поводу Николеньки:

«Мое любимое и главное подраздѣленіе людей въ то время, о которомъ я пишу, было на людей comme il faut и на comme il ne faut pas. Второй родъ под-

[1]) Полн. собр. соч., т. I, стр. 151.

раздѣлялся еще на людей собственно не comme faut и простой народъ. Людей comme il faut я уважалъ и считалъ достойными имѣть со мной равныя отношенія; вторыхъ — притворялся, что презираю, но въ сущности ненавидѣлъ ихъ, питая къ нимъ какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали — я ихъ презиралъ совершенно. Мое comme il faut состояло, первое и главное, въ отличномъ французскомъ языкѣ, и особенно въ выговорѣ. Человѣкъ, дурно выговаривавшій по-французски, тотчасъ же возбуждалъ во мнѣ чувство ненависти. «Для чего же ты хочешь говорить, какъ мы, когда не умѣешь?» — съ ядовитой насмѣшкой спрашивалъ я его мысленно. Второе условіе comme il faut были ногти длинные, отчищенные и чистые; третье было умѣнье кланяться, танцевать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушіе ко всему и постоянное выраженіе нѣкоторой изящной, презрительной скуки» [1]).

И далѣе тамъ же:

«Comme il faut было для меня не только важною заслугой, прекраснымъ качествомъ, совершенствомъ, котораго я желалъ достигнуть, но это было необходимое условіе жизни, безъ котораго не могло быть ни счастья, ни славы, ничего хорошаго на свѣтѣ. Я не уважалъ бы ни знаменитаго артиста, ни ученаго, ни благодѣтеля рода человѣческаго, если бъ онъ не былъ comme il faut. Человѣкъ comme il faut стоялъ выше и внѣ сравненія съ ними; онъ предоставлялъ имъ писать картины, ноты, книги, дѣлать добро, онъ даже хвалилъ ихъ за это,— отчего же не похвалить хоро-

1) Полн. собр. соч., т. I, стр. 373

шаго, въ комъ бы оно ни было, - но онъ не могъ становиться съ ними подъ одинъ уровень, онъ былъ comme il faut, а они нѣтъ—и довольно. Мнѣ кажется даже, что ежели бы у насъ былъ братъ, мать или отецъ, которые бы не были comme il faut, я бы сказалъ, что это несчастіе, но что ужъ тутъ между мной и ими не можетъ быть ничего общаго. Но не потеря золотого времени, употребленнаго на постоянную заботу о соблюденіи всѣхъ трудныхъ для меня условій comme il faut, исключающихъ всякое серьезное увлеченіе, не ненависть и презрѣніе къ девяти десятымъ рода человѣческаго, не отсутствіе вниманія ко всему прекрасному, совершающемуся внѣ кружка comme il faut,—все это еще было не главное зло, которое мнѣ причинило это понятіе. Главное зло состояло въ томъ убѣжденіи, что comme il faut есть самостоятельное положеніе въ обществѣ, что человѣку не нужно стараться быть ни чиновникомъ, ни каретникомъ, ни солдатомъ, ни ученымъ, когда онъ comme il faut; что, достигнувъ этого положенія, онъ уже исполняетъ свое назначеніе и даже становится выше большей части людей.

«Въ извѣстную пору молодости, послѣ многихъ ошибокъ и увлеченій, каждый человѣкъ обыкновенно становится въ необходимость дѣятельнаго участія въ общественной жизни, избираетъ какую-нибудь отрасль труда и посвящаетъ себя ей; но съ человѣкомъ comme il faut это рѣдко случается. Я зналъ и знаю очень-очень много людей старыхъ, гордыхъ, самоувѣренныхъ, рѣзкихъ въ сужденіяхъ, которые на вопросъ, если таковой задастся имъ на томъ свѣтѣ: «Кто ты такой? и что ты тамъ дѣлалъ?» не будутъ въ состояніи от-

вѣтить иначе, какъ: «je fus un homme trés comme il faut». Эта участь ожидала меня»[1]).

Иллюстраціей такого презрительнаго отношенія къ дѣтямъ низшаго сословія является эпизодъ съ Илинькой Граппъ, разсказанный въ «Отрочествѣ»:

«Илинька Граппъ былъ сынъ бѣднаго иностранца, который когда-то жилъ у моего дѣда, былъ чѣмъ-то ему обязанъ и почиталъ теперь своимъ непремѣннымъ долгомъ присылать очень часто своего сына. Если онъ полагалъ, что знакомство съ нами можетъ доставить его сыну какую-нибудь честь или удовольствіе, то онъ совершенно ошибался въ этомъ отношеніи, потому что мы не только не были дружны съ Илинькой, но обращали на него вниманіе только тогда, когда хотѣли посмѣяться надъ нимъ. Илинька Граппъ былъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, худой, высокій, блѣдный, съ птичьей рожицей и добродушно-покорнымъ выраженіемъ. Онъ былъ очень бѣдно одѣтъ, но зато всегда напомаженъ такъ обильно, что мы увѣряли, будто у Граппа, въ солнечный день, помада таетъ на головѣ и течетъ подъ курточку. Когда я теперь вспоминаю его, я нахожу, что онъ былъ очень услужливый, тихій и добрый мальчикъ; тогда же онъ мнѣ казался такимъ презрѣннымъ существомъ, о которомъ не стоило ни жалѣть ни даже думать»[2]).

Мальчики прибили и обидѣли Илиньку.

«Я съ участіемъ посмотрѣлъ на бѣдняжку, который, лежа на полу и спрятавъ лицо въ лексиконахъ, плакалъ такъ, что, казалось, еще немного, и онъ умретъ отъ конвульсій, которыя дергали все его тѣло.

---

[1]) Полн. собр. соч., т I, стр. 375. [2]) Полн. собр. соч., т. I, стр. 82.

— «Э, Сергѣй,—сказалъ я, обращаясь къ Ивину, — зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

— «Вотъ хорошо!.. я не заплакалъ, надѣюсь, сегодня, какъ разбилъ себѣ ногу почти до кости.

«Да, это правда», подумалъ я. «Илинька больше ничего, какъ плакса, а вотъ Сережа, такъ это—молодецъ... Что это за молодецъ!..»

«Я не сообразилъ того, что бѣдняжка плакалъ, вѣрно, не столько отъ физической боли, сколько отъ той мысли, что пять мальчиковъ, которые, можетъ-быть, нравились ему, безъ всякой причины, всѣ согласились ненавидѣть и гнать его.

«Я рѣшительно не могу объяснить себѣ жестокости своего поступка. Какъ я не подошелъ къ нему, не защитилъ и не утѣшилъ его? Куда дѣвалось чувство состраданія, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыдъ при видѣ выброшеннаго изъ гнѣзда галчонка, или щенка, котораго несутъ, чтобы кинуть за заборъ, или курицы, которую несетъ поваренокъ для супа?

«Неужели это прекрасное чувство было заглушено во мнѣ любовью къ Сережѣ и желаніемъ 'казаться передъ нимъ такимъ же молодцомъ, какъ и онъ самъ? Незавидныя же были эти любовь и желаніе казаться молодцомъ! Они произвели единственныя темныя пятна на страницахъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній»[1]).

Кромѣ этого, въ дѣтяхъ часто являются другіе, болѣе мелкіе недостатки, тѣмъ не менѣе, мѣшающіе жить и служащіе для нихъ источникомъ мученій, — таковы мелочное самолюбіе, вниманіе къ мнѣнію о себѣ другихъ, желаніе показаться передъ людьми. Ко-

[1]) Полн. собр. соч., т. I, стр. 85.

нечно, эти недостатки болѣе всего проявляются въ дѣтскомъ обществѣ. Вотъ что произошло на танц-классѣ.

«Сережа предложилъ мнѣ быть съ нимъ vis-à-vis. «Хорошо, сказалъ я,—хотя у меня нѣтъ дамы, я найду». Окинувъ залу рѣшительнымъ взглядомъ, я замѣтилъ, что всѣ дамы были взяты, исключая одной большой дѣвицы, стоявшей у двери гостиной. Къ ней подходилъ высокій, молодой человѣкъ, какъ я заключилъ съ цѣлью пригласить ее; онъ былъ отъ нея въ двухъ шагахъ, я же на противоположномъ концѣ залы. Въ мгновеніе ока, граціозно скользя по паркету, пролетѣлъ я все раздѣляющее меня отъ нея пространство и, шаркнувъ ногой, твердымъ голосомъ пригласилъ ее на контрдансъ. Большая дѣвица, покровительственно улыбаясь, подала мнѣ руку, а молодой человѣкъ остался безъ дамы.

«Я имѣлъ такое сознаніе своей силы, что даже не обратилъ вниманія на досаду молодого человѣка; но послѣ узналъ, что молодой человѣкъ этотъ спрашивалъ, кто тотъ взъерошенный мальчикъ, который проскочилъ мимо него и передъ носомъ отнялъ даму» [1]).

То, что служило предметомъ торжества и самодовольства, вдругъ обращается въ предметъ душевныхъ страданій:

«Господи! за что Ты наказываешь меня такъ ужасно! . . . . . .

«Всѣ презираютъ меня и всегда будутъ презирать... Мнѣ закрыта дорога ко всему: къ дружбѣ, любви, почестямъ... все пропало!! Зачѣмъ Володя дѣлалъ мнѣ знаки, которые всѣ видѣли и которые не могли по-

1) Поли. собр. соч., т. I, стр. 96.

мочь мнѣ? зачѣмъ эта противная княжна такъ посмотрѣла на мои ноги? зачѣмъ Сонечка... она милочка, но зачѣмъ она улыбалась въ это время? зачѣмъ папа покраснѣлъ и схватилъ меня за руку? Неужели даже ему было стыдно за меня? О, это ужасно! Вотъ будь тутъ мамаша, она не покраснѣла бы за своего Николеньку... И мое воображеніе унеслось далеко за этимъ милымъ образомъ Я вспомнилъ лугъ передъ домомъ, высокія липы сада, чистый прудъ, надъ которымъ вьются ласточки, синее небо, на которомъ остановились бѣлыя, прозрачныя тучи, пахучія копны свѣжаго сѣна, и еще много спокойныхъ радужныхъ воспоминаній носились въ моемъ разстроенномъ воображеніи»[1]).

Иногда эти мелкія черты самолюбія зацѣпляются у одного ребенка за другого, и тогда происходитъ ссора, въ которой съ необыкновенной яркостью вырисовываются особенности характера ссорящихся дѣтей.

«Ну, теперь все кончено между нами, думалъ я, выходя изъ комнаты: мы на вѣкъ поссорились.

«До вечера мы не говорили другъ съ другомъ; я чувствовалъ себя виноватымъ, боялся взглянуть на него и цѣлый день не могъ ничѣмъ заняться; Володя, напротивъ, учился хорошо и, какъ всегда, послѣ обѣда разговаривалъ и смѣялся съ дѣвочками.

«Какъ только учитель кончалъ классъ, я выходилъ изъ комнаты: мнѣ страшно, неловко и совѣстно было оставаться одному съ братомъ. Послѣ вечерняго класса исторіи, я взялъ тетради и направился къ двери. Проходя мимо Володи, несмотря на то, что мнѣ хотѣлось подойти и помириться съ нимъ, я надулся и старался сдѣлать сердитое лицо. Володя въ это са-

[1]) Полн. собр. соч., т. I, стр. 99.

мое время поднялъ голову и съ чуть замѣтною, добродушно-насмѣшливою улыбкой посмотрѣлъ на меня. Глаза наши встрѣтились, и я понялъ, что онъ понимаетъ меня, и то, что я понимаю, что онъ понимаетъ меня, но какое-то непреодолимое чувство заставило меня отвернуться.

— «Николенька, — сказалъ онъ мнѣ самымъ простымъ, нисколько не патетическимъ голосомъ, — полно сердиться. Извини меня, ежели я тебя обидѣлъ.

«И онъ подалъ мнѣ руку.

«Какъ будто поднимаясь все выше и выше, что-то вдругъ стало давить меня въ груди и захватывать дыханіе; но это продолжалось только одну секунду: на глазахъ показались слезы, и мнѣ стало легче.

«Прости... ме... ня, Вол... дя! сказалъ я, пожимая его руку.

«Володя смотрѣлъ на меня, однако, такъ, какъ будто никакъ не понималъ, отчего у меня слезы на глазахъ...» [1])

Любопытство такъ же свойственно всѣмъ дѣтямъ. Дѣти любятъ касаться запрещеннаго плода, и болѣе чуткія изъ нихъ потомъ мучатся раскаяніемъ и страдаютъ отъ нарушенія добрыхъ отношеній съ родителями, завѣты которыхъ они преступаютъ. Скрытый поступокъ въ большинствѣ случаевъ заставляетъ прибѣгать къ лжи, и потому эти два порока—любопытство и ложь – часто слѣдуютъ одинъ за другимъ.

Вотъ какъ описываетъ Л. Н. эти чувства въ исторіи съ ключикомъ:

«На столѣ, между тысячью разнообразныхъ вещей,

[1]) Полн. собр. соч., т. I, стр. 158.

стоялъ около перилецъ шитый портфель съ висячимъ замочкомъ, и мнѣ захотѣлось попробовать, придется ли къ нему маленькій ключикъ. Испытаніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, портфель открылся, и я нашелъ въ немъ цѣлую кучу бумагъ. Чувство любопытства съ такимъ убѣжденіемъ совѣтовало мнѣ узнать, какія были эти бумаги, что я не успѣлъ прислушаться къ голосу совѣсти и принялся разсматривать то, что находилось въ портфелѣ...

. . . . . .

«Дѣтское чувство безусловнаго уваженія ко всѣмъ старшимъ, и въ особенности къ папа, было такъ сильно во мнѣ, что умъ мой безсознательно отказывался выводить какія бы то ни было заключенія изъ того, что я видѣлъ. Я чувствовалъ, что папа долженъ жить въ сферѣ совершенно особенной, прекрасной, недоступной и непостижимой для меня, и что стараться проникать тайны его жизни было бы съ моей стороны чѣмъ-то въ родѣ святотатства.

«Поэтому открытія, почти нечаянно сдѣланныя мною въ портфелѣ папа, не оставили во мнѣ никакого яснаго понятія, исключая темнаго сознанія, что я поступилъ нехорошо. Мнѣ было стыдно и неловко» [1]).

Не менѣе заботы должны доставлять родителямъ отношенія между дѣтьми и наставниками, если они имѣютъ несчастіе поручать воспитаніе дѣтей чужимъ людямъ. Отношенія дѣтей къ ихъ наставникамъ иногда принимаютъ трагическій характеръ. Часто учителя, гувернеры своимъ безтактнымъ поведеніемъ вы-

---

[1]) Полн. собр. сочин., т. I, стр. 184.

зываютъ недоброе чувство въ дѣтяхъ, и люди, которые должны бы были руководить развитіемъ души ребенка, становятся для нихъ предметомъ насмѣшекъ, презрѣнія и ненависти.

Такого рода отношенія изображены Львомъ Николаевичемъ въ его «Отрочествѣ».

— «Нѣтъ, ни за что не пойду, сказалъ я, цѣпляясь за его сюртукъ. Всѣ ненавидятъ меня, я это знаю, но, ради Бога, ты выслушай меня, защити меня или выгони изъ дома. Я не могу съ нимъ жить, онъ всячески старается унизить меня, велитъ становиться на колѣни передъ собой, хочетъ высѣчь меня. Я не могу этого, я не маленькій, я не перенесу этого, я умру, убью себя. Онъ сказалъ бабушкѣ, что я негодный, она теперь больна, она умретъ отъ меня, я... съ... нимъ... ради Бога, высѣки... за... что... му... чатъ» [1]).

И далѣе тамъ же:

«Да, это было настоящее чувство ненависти, не той ненависти, про которую только пишутъ въ романахъ, и въ которую я не вѣрю, ненависти, которая, будто, находитъ наслажденіе въ дѣланіи зла человѣку, но той ненависти, которая внушаетъ вамъ непреодолимое отвращеніе къ человѣку, заслуживающему, однако, ваше уваженіе, дѣлаетъ для васъ противными его волоса, шею, походку, звукъ голоса, всѣ его члены, всѣ его движенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какою-то непонятною силой притягиваетъ васъ къ нему и съ безпокойнымъ вниманіемъ заставляетъ слѣдить за малѣйшими его поступками.

---

1) Полн. собр. соч., т. I, стр. 200.

Всѣ эти слабости и недостатки часто сглаживаются воспитаніемъ и самою жизнью, и отъ нихъ остаются чуть замѣтные слѣды въ характерѣ взрослаго человѣка. И потому не они еще составляютъ главную трудность воспитанія. Но что дѣлать съ дѣтьми, которыя совершаютъ преступленія? А такія, къ сожалѣнію, бываютъ. Какъ относиться къ такимъ дѣтямъ? Л. Н. считаетъ эту наклонность особеннымъ, трудно объяснимымъ психическимъ состояніемъ ребенка, чѣмъ-то въ родѣ экстаза, т. е. явленія болѣзненнаго свойства.

Въ «Отрочествѣ» онъ говоритъ:

«Я читалъ гдѣ-то, что дѣти отъ 12 до 14 лѣтъ, т. е. находящіяся въ переходномъ возрастѣ отрочества, бываютъ особенно склонны къ поджигательству и даже убійству. Вспоминая свое отрочество и особенно то состояніе духа, въ которомъ я находился въ этотъ несчастный для меня день, я весьма ясно понимаю возможность самаго ужаснаго преступленія, безъ цѣли, безъ желанія вредить, но такъ—изъ любопытства, изъ безсознательной потребности дѣятельности. Бываютъ минуты, когда будущее представляется человѣку въ столь мрачномъ свѣтѣ, что онъ боится останавливать на немъ свои умственные взоры, прекращаетъ въ себѣ совершенно дѣятельность ума и старается убѣдить себя, что будущаго не будетъ и прошедшаго не было. Въ такія минуты, когда мысль не обсуждаетъ впередъ каждаго опредѣленія воли, а единственными пружинами жизни остаются плотскіе инстинкты, я понимаю, что ребенокъ, по неопытности, особенно склонный къ такому состоянію, безъ малѣйшаго колебанія и страха, съ улыбкой любопытства, раскладываетъ и раздуваетъ огонь подъ собственнымъ

домомъ, въ которомъ спятъ его братья, отецъ, мать которыхъ онъ нѣжно любитъ. Подъ вліяніемъ этого же временнаго отсутствія мысли, — разсѣянности почти, — крестьянскій парень лѣтъ семнадцати, осматривая лезвее только что отточеннаго топора подлѣ лавки, на которой лицомъ внизъ спитъ его старикъ-отецъ, вдругъ размахивается топоромъ и съ тупымъ любопытствомъ смотритъ, какъ сочится подъ лавку кровь изъ разрубленной шеи; подъ вліяніемъ этого же отсутствія мысли и инстинктивнаго любопытства человѣкъ находитъ какое-то наслажденіе остановиться на самомъ краю обрыва и думать: а что, если туда броситься? или приставить ко лбу заряженный пистолетъ и думать: а что, если нажать гашетку? или смотрѣть на какое-нибудь важное лицо, къ которому все общество чувствуетъ подобострастное уваженіе, и думать: а что, ежели подойти къ нему, взять его за носъ и сказать: «а ну-ка, любезный, пойдемъ»? [1])

Конечно, этого нельзя исправить строгостью наказанія. Не только въ такихъ серьезныхъ случаяхъ, но при разныхъ мелкихъ проступкахъ, родители, большею частью, выведенные изъ терпѣнія, нерѣдко употребляютъ наказанія систематически, какъ мѣру исправительную. И въ этомъ вопросѣ Л. Н. остается вѣренъ самому себѣ. Идея любви и прощенія проходитъ красною нитью по всѣмъ его сочиненіямъ. Не трудно усмотрѣть ее и въ отношеніи къ вопросу о наказаніяхъ, которыхъ онъ, конечно, не можетъ одобрить.

Прежде всего онъ осуждаетъ розги: это видно изъ разговора княгини съ бабушкой въ «Отрочествѣ».

---

1) Полн. собр. соч., т. I, стр. 183.

Княгиня, очевидно, типъ отрицательный, а бабушка — положительный, пользующійся полнымъ и справедливымъ сочувствіемъ автора:

«И княгиня, наклонившись къ папа, начала ему разсказывать что-то съ большимъ одушевленіемъ. Окончивъ разсказъ, котораго я не слыхалъ, она тотчасъ засмѣялась и, вопросительно глядя въ лицо папа, сказала:

— «Каковъ мальчикъ, mon cousin? Онъ стоилъ; чтобъ его высѣчь; но выдумка эта такъ умна и забавна, что я его простила, mon cousin.

«И княгиня, устремивъ взоръ на бабушку, ничего не говоря, продолжала улыбаться.

— «Развѣ вы бьете своихъ дѣтей, моя милая? спросила бабушка, значительно поднимая брови и дѣлая особенное удареніе на словѣ бьете».

— «Ахъ, ma bonne tante,—кинувъ быстрый взглядъ на папа, добренькимъ голоскомъ отвѣчала княгиня,— я знаю, какого вы мнѣнія на этотъ счетъ; но позвольте мнѣ въ этомъ одномъ съ вами не согласиться: сколько я ни думала, сколько ни читала, ни совѣтовалась объ этомъ предметѣ, все-таки опытъ привелъ меня къ тому, что я убѣдилась въ необходимости дѣйствовать на дѣтей страхомъ, — чтобы что-нибудь сдѣлать изъ ребенка, нуженъ страхъ... не такъ ли, mon cousin? а чего, je vous demande un peu, дѣти боятся больше, чѣмъ розги?

«При этомъ она вопросительно взглянула на насъ, и, признаюсь, мнѣ сдѣлалось какъ-то неловко въ эту минуту.

— «Какъ ни говорите, а мальчикъ до 12-ти и да-

же до 14-ти лѣтъ все еще ребенокъ; дѣвочка — другое дѣло.

«Какое счастье, подумалъ я, что я не ея сынъ».

— «Да, это прекрасно, моя милая, — сказала бабушка, свертывая эти стихи и укладывая ихъ подъ коробочку какъ будто не считая послѣ этого княгиню достойною слышать такое произведеніе, — это очень хорошо, только скажите мнѣ, пожалуйста, какихъ послѣ этого вы можете требовать деликатныхъ чувствъ отъ вашихъ дѣтей? — И, считая этотъ аргументъ неотразимымъ, бабушка прибавила, чтобы прекратить разговоръ: — Впрочемъ, у каждаго на этотъ счетъ можетъ быть свое мнѣніе» [1]).

Это осужденіе распространяется и на другого рода наказанія. Въ своихъ разсказахъ о Яснополянской школѣ, Л. Н. передаетъ случай наказанія имъ мальчика. Вотъ къ какимъ печальнымъ результатамъ привелъ его этотъ опытъ:

«Я убѣдился, что есть тайны души, закрытыя отъ насъ, на которыя можетъ дѣйствовать жизнь, а не нравоученія и наказанія. И что за дичь? Мальчикъ укралъ книгу, — цѣлымъ длиннымъ, многосложнымъ путемъ чувствъ, мыслей, ошибочныхъ умозаключеній онъ приведенъ былъ къ тому, что взялъ чужую книжку и зачѣмъ-то заперъ ее въ свой сундукъ, — а я налѣпляю ему бумажку со словами «воръ», которыя значатъ совсѣмъ другое! Зачѣмъ? Наказать его стыдомъ, скажутъ мнѣ. Наказать его стыдомъ? Зачѣмъ? Что такое стыдъ? И развѣ извѣстно, что стыдъ уничтожаетъ наклонность къ воровству? Мо-

---

[1]) Полн. собр. соч., т. I, стр. 69.

жетъ-быть, онъ поощряетъ ее. То, что выражалось на его лицѣ, можетъ-быть, было не стыдъ? Даже навѣрно я знаю, что это былъ не стыдъ, а что-то совсѣмъ другое, что, можетъ-быть, спало бы всегда въ его душѣ и что не нужно было вызывать. Пускай тамъ, въ мірѣ, который называютъ дѣйствительнымъ, въ мірѣ Пальмерстоновъ, Кайэнъ, — въ мірѣ, гдѣ разумно не то, что разумно, а то, что дѣйствительно, — пускай тамъ люди, сами наказанные, выдумываютъ себѣ права и обязанности наказывать. Нашъ міръ дѣтей — людей простыхъ, независимыхъ — долженъ оставаться чистъ отъ самообманыванія и преступной вѣры въ законность наказанія, вѣры и самообманыванія въ то, что чувство мести становится справедливымъ, какъ скоро его назовемъ наказаніемъ»[1]).

А вотъ опытъ наказанія въ домашней жизни изъ «Анны Карениной»:

«Все шло хорошо и дома; но за завтракомъ Гриша сталъ свистать и, что было хуже всего, не послушался англичанки, — и былъ оставленъ безъ сладкаго пирога. Дарья Александровна не допустила бы въ такой день до наказанія, если бъ она была тутъ, но надо было поддержать распоряженіе англичанки, и она подтвердила ея рѣшеніе, что Гришѣ не будетъ сладкаго пирога. Это испортило немного общую радость.

«Гриша плакалъ, говоря, что Николенька свисталъ, но что, вотъ, его не наказали, и что онъ не изъ-за пирога плачетъ, — ему все равно, — но о томъ, что съ

---

1) Полн. собр. соч., т. IV, стр. 202.

нимъ несправедливы. Это было слишкомъ уже грустно, и Дарья Александровна рѣшилась переговорить съ англичанкой, простить Гришу и пошла къ ней. Но тутъ, проходя черезъ залу, она увидала сцену, наполнившую такою радостью ея сердце, что слезы выступили ей на глаза, и она сама простила преступника.

«Наказанный сидѣлъ въ залѣ на угловомъ окнѣ; подлѣ него стояла Таня съ тарелкой. Подъ видомъ желанія обѣда для куколъ, она попросила у англичанки позволенія снести свою порцію пирога въ дѣтскую и, вмѣсто этого, принесла ее брату. Продолжая плакать о несправедливости претерпѣннаго имъ наказанія, онъ ѣлъ принесенный пирогъ и, сквозь рыданія, приговаривалъ: «ѣшь сама, вмѣстѣ будемъ ѣсть... вмѣстѣ!» [1]).

Здѣсь дѣти оказались добрѣе родителей. Иногда Толстой приписываетъ наказаніямъ явно развращающее вліяніе. Такъ, напримѣръ, вышеприведенный случай въ Яснополянской школѣ или слѣдующій изъ «Войны и мира»:

«Митя шалилъ за столомъ. Папа не велѣлъ ему давать пирожнаго. Ему не дали; но онъ такъ жалостно и жадно смотрѣлъ на другихъ, пока они ѣли. Я думаю, что наказывать, не давая сласти, только развиваетъ жадность» [2]).

Что же дѣлать? Л. Н., въ лицѣ своихъ героевъ, ясно указываетъ намъ, что борьба съ дурными привычками и слабостями дѣтей можетъ быть только одна: терпѣливая нѣжность, любовь.

---

1) Полн. собр. соч., т. X, стр. 44. 2) Тамъ же, т. VIII, стр. 403.

Вотъ какъ поступаетъ графиня Марья.

«4-го декабря. Нынче Андрюша (старшій сынъ), проснувшись, не хотѣлъ одѣваться и m-lle Louise прислала за мною. Онъ былъ въ капризѣ и упрямствѣ. Я попробовала угрожать, но онъ только еще больше разсердился. Тогда я взяла на себя, оставила его и стала съ няней поднимать другихъ дѣтей, а ему я сказала, что я не люблю его. Онъ долго молчалъ, какъ бы удивляясь; потомъ въ одной рубашкѣ выскочилъ ко мнѣ и разрыдался такъ, что я долго не могла успокоить. Видно было, что онъ мучился больше всего тѣмъ, что огорчилъ меня. Съ нимъ все можно сдѣлать нѣжностью».

То же дѣлаетъ и Анна, когда возвращается къ своему, подъ упоеніемъ страсти забытому ею, долгу — материнству. Она приходитъ на свиданіе съ сыномъ:

«Гувернантка, поздоровавшись, длинно и опредѣлительно стала разсказывать проступокъ, сдѣланный Сережей, но Анна не слушала ее; она думала о томъ, возьметъ ли она ее съ собой? «Нѣтъ, не возьму», рѣшила она. «Я уѣду одна, съ сыномъ».

— «Да, это очень дурно, — сказала Анна и, взявъ сына за плечо, не строгимъ, а робкимъ взглядомъ, смутившимъ и обрадовавшимъ мальчика, смотрѣла на него и поцѣловала. — Оставьте его со мной, — сказала она удивленной гувернанткѣ и, не выпуская руки сына, сѣла за приготовленный съ кофеемъ столъ.

— «Мама! Я... я... не... — сказалъ онъ, стараясь понять по ея выраженію, что ожидаетъ его за персикъ.

— «Сережа, — сказала она, какъ только гувернантка

вышла изъ комнаты, — это дурно, но ты не будешь больше дѣлать этого?.. Ты любишь меня?» [1])

Итакъ любовь и здѣсь, какъ и всегда, остается всепобѣждающею силой

Всѣ приведенныя цитаты болѣе чѣмъ извѣстны читающей публикѣ. Но мы надѣемся, что привлеченіе вниманія читательницъ къ нимъ нашимъ подчеркиваніемъ и оттѣненіемъ ихъ не пройдетъ безъ пользы и еще разъ послужитъ на помощь матерямъ въ ихъ трудномъ и святомъ дѣлѣ.

КОНЕЦЪ.

---

[1]) Полн. собр. соч., т, X, стр. 84.

I

с

пр

пр

Я

раз

ста

ска

как

ско

мог

ше

но

Т

сво

мат

«

лит

Сер

воз

рѣш

—

сын

смут

него

она

на,

—

по

—

Изданія „ПОСРЕДНИКА”

ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ:

I. О пьянствѣ. Доктора П. С. Алексѣева. Изданіе 2-ое, значительно исправленное и дополненное. Съ предисловіемъ Льва Толстого: „Для чего люди одурманиваются“. Ц. 60 к.

II. Противъ пьянства. Рѣчь профессора Фореля. Ц. 15 к.

III. Этика пищи. Х. Уильямса. Переводъ съ англійскаго. Съ предисловіемъ „Первая ступень“ Л. Н. Толстого. Ц. 2 р.

IV. Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ. Профессора А. Н. Бекетова. Изданіе 2-ое. Ц. 10 к.

V. Научныя основанія вегетаріанства. Доктора медицины Анны Кингсфордъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 30 к.

VI. Злая забава. Мысли объ охотѣ. В. Ч — ва. Ц. 15 к.

VII. Жена. Разсказъ Ант. П. Чехова. Ц. 25 к.

VIII. Именины. Разсказъ Ант. П. Чехова. Ц. 20 к.

IX. Трупъ. Разсказъ П. Д. Боборыкина. Изданіе 2-ое. Ц. 20 к.

X. Гость. Драма Эд. Брандеса. Переводъ съ датскаго. Ц. 15 к.

XI. Проклятая слава. Разсказъ И. Н. Потапенко. Ц. 15 к.

XII. Деньги. Романъ Альгрена. Переводъ со шведскаго. Ц. 60 к.

XIII. Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны***.) Пов. А. В. Стернъ. Изданіе 2-ое. Ц. 30 к.

XIV. Бракъ по любви. Пов. А. В. Стернъ. Ц. 50 к.

XV. „Добей его!“ Параллели А. Лугового. Ц. 50 к.

XVI. Палата № 6. Разсказъ А. П. Чехова. Изданіе 2-ое. Ц. 25 к.

XVII. Большое сердце. Повѣсть Вас. И. Немировича-Данченко. Ц. 20 к.

XVIII. „Неизбѣжное зло!“ Разсказъ Л. Ш. Ц. 20 к.

XIX. Двѣ пары. Повѣсть А. И. Эртеля. Ц. 60 к.

XX. М. С. Громека о Л. Н. Толстомъ. Критич. этюдъ. Изданіе 5-ое. Ц. 80 к.

XXI. „Безпашпанный“. Разсказъ К. Станюковича. Ц. 20 к.

XXII. Дѣтство Темы. Повѣсть Н. Гарина. Ц. 60 к.

XXIII. Въ дурномъ обществѣ. Разсказъ В. Короленко. Ц. 35 к.

XXIV. Пасдишѣ. Сборникъ повѣстей и разсказовъ иностранныхъ авторовъ. Ц. 70 к.

XXV. Конецъ дневника. С. Фонвизина. Ц. 30 к.

XXVI. Красавица. Разсказъ маркизы Коломбо. Пер. съ итальянск. Ц. 35 к.

XXVII. Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ для безубойнаго питанія. Со вступительною статьей о значеніи вегетаріанства. Изданіе 2-ое. Ц. 70 к.

XXVIII. Доброе дѣло. Сборникъ разсказовъ русскихъ авторовъ. Ц. 90 к.

XXIX. Тайный порокъ. Трезвыя мысли о половыхъ отношеніяхъ. Выпускъ первый. Ц. 15 к.

XXX. 1. Сократъ и его время. Очеркъ В. Д. Спиовскаго. 2. Тѣни. Разсказъ В. Г. Короленко. Ц. 35 к.

XXXI. Монтъ-Оріоль. Романъ Гюи де-Мопасана. Переводъ съ французскаго. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Ц. 70 к.

XXXII. Вопросы жизни. Романъ Э. Рода. Переводъ съ француз. Ц. 60 к.

XXXIII. Дѣтскія тѣни. Разсказы Д. Мамина-Сибиряка. Ц. 80 к.

XXXIV. Дикарка. Повѣсть Э. Оржешко. Переводъ съ польскаго. Ц. 75 к.

XXXV. На водѣ. Сборникъ разсказовъ Гюи де-Мопасана. Переводъ съ французскаго. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Ц. 60 к.

XXXVI. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Профессора Н. Я. Грота. Ц. 60 к.

XXXVII. Тайный порокъ. Выпускъ второй. Ц. 20 к.

XXXVIII. Соблазны міра. Романъ м-съ Брэддонъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р.

XXXIX. Осужденный навѣкъ. Пов. Іонаса Ли. Переводъ съ норвежскаго. Ц. 40 к.

XL. Изъ дневника Амиэля. Переводъ съ французск. М. Л. Толстой подъ редакціей и съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Ц. 35 к.

Изданія „ПОСРЕДНИКА"

ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ:

XLI. Декартъ. Его жизнь и сочиненія. А. Фулье. Переводъ съ французск. подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Съ приложеніемъ статьи „Спиноза" Виндельбанда. Ц. 80 к.

XLII. 1. Ядъ. 2. Фортуна. Два романа Килланда. Переводъ съ норвежскаго. Ц. 1 р.

XLIII. Мимочка отравилась. Разсказъ В. Микуличъ. Ц. 35 к.

XLIV. Жизнь Франциска ассизскаго. П. Сабатье. Перев. съ франц. Ц. 90 к.

XLV. Матерямъ для дочерей. Краткія свѣдѣнія по физіологіи и гигіенѣ. Е. Р. Шепердъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 40 к.

XLVI. Проблески. Сборникъ разсказовъ разныхъ авторовъ. Ц. 1 р.

XLVII. Проповѣдникъ религіозной терпимости XVII вѣка. Профессора И. Лучицкаго. Ц. 30 к.

XLVIII. Зарницы. Разсказъ В. Микуличъ. Ц. 65 к.

XLIX. 1. Въ глухомъ мѣстечкѣ. Разсказъ Н. Наумова. 2. Макарка. Эскизъ Р. Хинъ. Ц. 35 к.

L. Хозяинъ и работникъ. Разсказъ Л. Н. Толстого. Ц. 20 к.

LI. Ходите въ свѣтѣ и другія произведенія Л. Н. Толстого. Ц. 60 к.

LII. На-холерѣ. В. Поссе. Ц. 40 к.

LIII. Произведенія послѣднихъ годовъ. Л. Н. Толстого. Ц. 50 к.

LIV. О компромиссѣ. Дж. Морлея. Переводъ съ англійскаго. Ц. 75 к.

LV. Къ чему жить? Сборникъ произведеній иностранныхъ авторовъ. Ц. 70 к.

LVI. Гуманитарное ученіе Г. Солта и другія статьи по вегетаріанству. Ц. 30 к.

LVII. Рёскинъ. Его жизнь, идеи и дѣятельность. Ц. 15 к.

LVIII. Очеркъ философіи Платона. Н. Я. Грота. Ц. 60 к.

LIX. Чудный другъ и другіе разсказы Гюи де-Мопасана. Переводъ съ французскаго. Съ предисловіемъ Л. Толстого. Ц. 1 р.

LX. Федонъ, разговоръ Платона. Переводъ съ объяснительнымъ примѣчаніемъ Дмитрія Лебедева. Изданіе 2-ое, значительно исправленное. Ц. 40 к.

LXI. Природная пища человѣка. Моэсъ-Оскрагелло. Переводъ съ польскаго Ю. Якубовскаго. Ц. 35 к.

LXII. Натанъ Мудрый. Драма въ стихахъ Г. Е. Лессинга. Переводъ Петра Вейнберга. Ц. 70 к.

LXIII. Ж.-Ж. Руссо. Артура Шюкэ. Переводъ съ французскаго П. Н. Шараповой. Ц. 40 к.

LXIV. Краткая вегетаріанская поваренная книга. (Растительное питаніе.) Ц. 25 к.

LXV. Стихотворенія и прозаическія произведенія А. П. Барыковой. Ц. 1 р. 25 к.

LXVII. Дѣвичья погибель и другіе разсказы и очерки. С. Т. Семенова. Ц. 80 к.

LXVIII. Шри-Шанкара-Ачарія. Мудрецъ индійскій. Вѣры Джонстонъ. Ц. 20 к.

LXX. Ученіе двѣнадцати апостоловъ. Недавно открытое сочиненіе. Переводъ съ греческаго К. Д. Попова. Ц. 20 к.

LXXI. Что такое искусство? Л. Н. Толстого. Ц 50 к.

LXXIII. Какъ надо питаться чтобы быть здоровыми? Петерсена. (Ученіе о пищѣ для здоровыхъ и больныхъ.) (Печатается.)

LXXII. Современная наука. Карпентера. Подъ редакціей Л. Н. Толстого. (Печатается.)

Цѣна 30 коп.

Склады изданій въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Д. Сытина, у Ильинскихъ воротъ, и въ книжномъ магазинѣ М. Е. Конусова, у Страстного монастыря, д. Чижовыхъ.

K.

~~70к.~~

~~пер. 1р 75к.~~

– 20 к.